

ЕВГЕНИЙ ИЛЬЧЕВ

ТРИГГЕРНАЯ
ТОЧКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Ильичев
Триггерная точка

«Автор»

2023

Ильичев Е. Ю.

Триггерная точка / Е. Ю. Ильичев — «Автор», 2023

Будущее изменчиво. Разведчик Коликов, как никто другой знает это, ведь его работа - проникать в сознание людей прошлого, играть с чужим разумом, перекраивать под себя реальность и влиять на судьбы миллиардов людей на планете. В своём деле Коликов хорош, но очередное задание всё изменило. Коликову предстоит внедрение в разум прекрасной незнакомки из прошлого. Как в одной голове уживутся два сознания? Как молодому мужчине вести себя в теле соблазнительной красотки? Какие тайны могут хранить женские мысли? И самое главное - как вытащить прекрасную разведчицу из смертельной ловушки?

© Ильичев Е. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Ильичев

Триггерная точка

Глава 1

«Внимание, тишина! Работает оператор!» – гласила табличка, истерично мигавшая над массивной гермодверью.

Полковник Зорин повидал на своем веку многое. Дожил он и до седины, и до внуков, и до звезд на погонах. И появились они у него не за выслугу лет, а за «Службу». Но все же некоторые вещи в окружающей его действительности были полковнику непонятны. Уже седьмой год он проходил мимо этой гермодвери и каждый божий день видел этот предупреждающий сигнал, но понять, зачем вообще нужна эта табличка, так и не смог.

Капсула оператора была установлена в отдельном герметичном помещении с приточно-вытяжной вентиляцией и фильтрами тонкой очистки воздуха. Само помещение было чуть ли не самым защищенным и автономным местом на планете. Находилось оно глубоко под землей в одном из московских бункеров, уцелевших после Третьей мировой. Само сооружение уже изначально проектировалось как бомбоубежище, но это не помешало архитекторам наворотить дел при возведении дополнительных секций. Драгоценную «капсулу» окружали толстые бетонные стены, отлитые по специальной технологии без единой металлической вставки и армированные электронейтральными полимерами. Войти в помещение можно было через толстенную гермодверь из кевлара с вакуумным механизмом затвора, минуя герметичный шлюз и еще одну гермодверь. При такой изоляции оператора от внешнего мира можно было прямо под дверью устраивать тир или испытывать реактивные двигатели, и даже тогда ни единого звука в капсулу оператора не проникло бы.

«Убрать эту табличку к чертовой матери!» – подумал полковник и зашагал в пультовую.

– Кто сегодня в капсуле? – спросил он дежурного несколько жестче, чем хотел – настроение с утра было ни к черту. Зорин нахмурился: непрофессионально срываться на подчиненных только из-за настроения. Но изменить себя он не мог, а свои слабости прятал под маской суровости. Какое-то недоброе предчувствие терзало его душу с раннего утра. Встал он сегодня не по будильнику, а гораздо раньше. Жена пролила на мундир кофе, пришлось выезжать на работу в полевой форме. Не редкость, конечно, но «на ковер» он привык ходить при параде. Табличка эта, опять же, чтоб ее...

– Оператором сегодня заступил капитан Коликов, – доложил дежурный.

«Ааа, вон оно что», – подумал Зорин и обреченно вздохнул. Теперь все встало на свои места. Видимо, месячный график дежурств отряда временного реагирования отложился у него где-то на подкорке и маленькой свербящей занозой буравил мозг с самого утра.

Капитан Тимур Коликов – личность в отряде известная, даже эпичная. Можно сказать, Коликов был его, полковника Зорина, антагонистом. Его личной головной болью и надеждой одновременно. Не было на свете ни единой вещи, которую полковник Зорин не отдал бы ради возможности заглянуть этому капитану в голову и понять наконец, за что тот так ненавидит своего начальника. Почему раз за разом доводит его до белого каления и игнорирует все приказы? Казалось бы, уволить капитана к едрене фене, и дело с концом. Но нет. Капитан Коликов, вопреки всем прогнозам и наперекор любой логике, третий год подряд оставался лучшим оператором ведомства. Ни одной (вы только вдумайтесь!), вообще ни одной провальной операции! Ни одного просчета. Коликов неизменно выходил сухим из воды при любом раскладе. Выходил невредимым сам и вытягивал за собой ситуации из таких прямокишечных недр, куда и проктологи со стажем не рискнули бы заглянуть. Почти на каждом задании Коликов эпично

загонял себя в полную жопу, если выразаться русским языком, а после не менее эпично из нее выходил. И выходил, гад, чистеньким и благоухающим. А Зорин тем временем седел на глазах и обзаводился нервным тиком.

– А кто объект? – с надеждой в голосе спросил полковник. Ему протянули папку с делом.

– Некая Эльма Хейнкель. Двадцать восемь лет. Не замужем. Детей нет. Искусствовед в музее.

– Ясно. Год какой?

– Шестьдесят второй.

– Ясно, – машинально повторил полковник, но тут же почувствовал, как у него дернулся глаз. – Стоп! Что значит «шестьдесят второй»? Может, сорок второй?

– Может, – покладисто согласился дежурный, – но на пульте у меня отображается именно шестьдесят второй.

– Так, а локация какая? – с надеждой спросил полковник, хотя уже догадывался, что именно услышит.

– Прочесываем седьмой «Б» сектор. Берлин.

Зорин поморщился, как от зубной боли. Ну почему у этого Коликова всегда все через одно место? Полковник вновь перевел взгляд на идиотскую табличку, угрюмо мигающую в полумраке казенного коридора, и подумал, что лучше было бы написать над дверью: «Оставь надежду, всяк сюда входящий... после Коликова».

Вытягивать операторов прямо во время работы строжайше запрещалось: можно было убить и его самого, и объект его влияния. Ну как – убить? Лишить рассудка, но, по сути, эти понятия были равнозначны. Единственное, на что оставалось сейчас уповать Зорину, это дьявольская везучесть Коликова.

«Черт, – выругался про себя полковник, – доклад! Ох, как же я надеюсь, что это не очередная глупая выходка капитана Коликова! Что сейчас он не любит прелестями этой немки из шестьдесят второго, а работает на благо Родины».

Полковник Зорин сделал два глубоких вдоха, успокоился и направился к начальству.

Эльма проснулась за минуту до того, как сработал капризный будильник. Всю эту минуту она блаженно балансировала между сном и явью, не решаясь нарушить хрупкую грань. Снился ей любовник, Петер Виргхоф, ее молодой коллега. Сон был из тех, что приходят под самое утро, снятся от силы минуты две, а потом исчезают в утренней дымке, оставляя после себя приятное чувство реальности. Во сне Петер убажал Эльму языком, и ее влажное лоно до сих пор изнывало от совершенно реальных ощущений. Девушка машинально зажала руку между ног, от чего ее возбуждение только усилилось.

Наконец прозвенел будильник и прогнал ночной морок. Девушка открыла глаза и огляделась. Смятая шелковая простыня, тяжелое пуховое одеяло (и это несмотря на жаркое лето), влажная подушка. Ветерок из открытой форточки колыхал прозрачный тюль, ласковый солнечный свет уже проникал в спальню. Эльме сложно было удержаться от соблазна «поиграть» с собой, наслаждаясь последними всполохами ночных сновидений, но упорно зудящая в голове мысль заставила ее проснуться окончательно. Она резко отдернула одеяло и встала с кровати, внезапно ощутив приступ какой-то тревоги. Совершенно необъяснимой, практически неуловимой и ничем не обоснованной тревоги. Девушка замерла посреди спальни и стала прислушиваться.

«Неужели почувствовала? – подумал Коликов. – Да нет. Бред. Не может она меня почувствовать».

Она, конечно, проводник, но за всю его службу в ОВР Коликов ни разу не сталкивался с такими, которые могли бы заподозрить его присутствие. На всякий случай капитан Коликов решил не проявлять себя и на сегодня ограничиться лишь наблюдением за объектом.

Девушка прошла в ванную комнату, включила душ и скинула с себя шелковую ночнушку.

«Хороша, ничего не скажешь», – подумал Коликов, разглядывая в зеркале девушку ее же глазами. Молодое подтянутое тело. Плоский животик, упругая грудь, торчащие соски, бритый (не по моде Берлина шестидесятых) лобок, крепкие спортивные бедра и стройные гладкие ноги. Образ дополняли бархатная ухоженная кожа и ровный загар. Черты лица правильные, зубы белоснежные и ровные, носик аккуратный и чуть вздернутый. Каштановые выющиеся волосы до плеч. Просто красавица! Коликов напомнил себе о том, что женат, и наконец перестал пялиться на молодую немку. Вместо этого он начал рутинно подмечать детали.

Детали в его работе значили если не все, то очень и очень многое. Прямо перед раковиной на узенькой полочке теснилось множество тюбиков с кремами, лосьонами и примочками, там же лежали пудреница и набор косметики, одна зубная щетка, зубная паста. Все было импортным.

«Не по карману простому научному сотруднику музея», – подметил Тимур и ненавязчиво обвел ванную комнату чужим взглядом: хотел оценить обстановку. По тому, какой унитаз в квартире, есть ли в ванной комнате вытяжка, дополнительные зеркала, сколько зубных щеток, сколько халатов на вешалке, есть ли среди них мужские и так далее, можно было многое узнать о человеке, о его привычках, семейном положении, здоровье, достатке. Обычно такое вмешательство не приводит к подозрениям. Объект, особенно после пробуждения, даже не замечает таких манипуляций. Ему кажется, что он это сделал сам. Сам оглянулся, сам взял ту или иную вещь с полки, сам открыл дверцу шкафа. Машинально. Никто не будет спорить, что хоть раз в жизни открывал дверцу холодильника просто так и с минуту просто таращился в его недра, а потом, ничего не взяв оттуда, закрывал холодильник и возвращался к своим делам. Примерно так и чувствуют себя проводники, когда ими управляет оператор.

Коликов же вновь почувствовал волнение девушки. Когда находишься в чужой голове, то неизбежно полностью сливаешься с объектом наблюдения. Думаешь на его языке. Осязаешь мир его органами чувств. Ощущаешь боль, возбуждение, страх, смутение, наполненность мочевого пузыря, зубную оскомину, даже религиозный трепет. Все эмоции и чувства, принадлежащие объекту, ощущаются, словно свои собственные. Единственное, куда не мог проникнуть внедренный наблюдатель, это память и мысли объекта. Коликов ощутил страх Эльмы. Она обернулась на запертую дверь в ванную. Обернулась так, словно ожидала увидеть там кого-то. Словно чувствовала, что за ней следят. Собственно, так оно и было, Коликов сейчас именно этим и занимался – следил за девушкой. Ощутить его присутствие она не могла. Не должна была по всем законам. Но почему-то ощущала.

«Что ж, – подумал Коликов, – впредь буду осторожнее».

Девушка еще с минуту прислушивалась к себе и к окружающему миру. Решив, что ей померещилось, она пожала плечами и принялась за утренний моцион. Почистила зубы, приняла душ, высушила полотенцем волосы и, накинув коротенький халатик на все еще влажное и разгоряченное тело, направилась в кухню готовить завтрак. Душ, к слову, Коликов выдержал стоически, хотя Эльма не упустила возможности поиграть с собой струями воды. Или девушки каждый раз ТАКОЕ ощущают в душе?

Яичница с жареным беконом, тосты, заварной кофе, сигарета популярной американской табачной компании, пара страниц модного западного журнала.

«Нет, Эльма Хейнкель, вы точно не простой искусствовед», – подумал Коликов и затаился.

Позавтракав, девушка высушила и уложила волосы, мурлыкая под нос какую-то легкую мелодию. Наличие западных ежедневных гигиенических средств для женщин, равно как и богатый гардероб, подтвердили догадку, вертевшуюся в голове Коликова. Эльма Хейнкель, искусствовед музея в восточном Берлине, была не той, за кого себя выдавала. Очевидно, у девушки водились и деньги, и все блага цивилизации, которых не было у рядовых жителей

ГДР начала шестидесятых. Кто она? Провокатор? Шпионка? Элитная проститутка? Версий было много, но главный вопрос, волновавший сейчас Коликова, состоял в том, почему выбор капсулы компьютера выпал именно на сектор «7-Б»? А ведь у Коликова были альтернативы. Такие заманчивые сектора были на выбор: Сталинград, Брест, Москва, Будапешт... Не менее десятка потенциальных вариаций. Нет же, выбрал самую экстравагантную. Ну что он может накопать тут, в Берлине, да еще и в шестьдесят втором? Ладно, если б сороковой или тридцать девятый. Там хоть в разведчика поиграть можно – придать вероятностям благостный вид и помочь своему времени укрепить позиции. Но тут, из шестьдесят второго, что можно сделать? Все, что возможно, уже наворотили. Войну выиграли. Даже стену начали сооружать. То, конечно, была еще не знаменитая «Берлинская стена» образца семьдесят пятого: сто с лишним километров тотального контроля и запретов, где были и колючая проволока, и противотанковые ежи, и «газон Сталина», и все это под охраной первых в мире сигнальных систем и тысяч штази, патрулирующих территорию дено и ношно. Но даже эти шестьдесят километров кирпичной кладки и спиралей Бруно с КПП уже возымели потрясающий обратный эффект. Сотнями, если не тысячами в день рядовые немцы бежали на «загнивающий запад». Бежали, потому что жрать там было слаще, нравы были вольнее, а работа оплачивалась более щедро. Те же, кто остался, были обречены на жизнь за железным занавесом. В стране Варшавского договора. В стране, полной дефицита и навязчивого партийного контроля.

«Ладно, – решил Коликов, – назвался груздем – полезай в кузовок. Будем ждать и наблюдать».

Девушка тем временем принарядилась, надушилась дефицитным французским парфюмом от «Ляроше» и вышла из дома. На улице она довольно быстро поймала такси.

– Монбийоубрюкке, 3, – бросила она водителю и, откинувшись на жесткую спинку старенького Фольксвагена, уставилась в окно.

Мимо проплывали типовые кварталы, утыканые панельными хрущевками. Эльма проживала в одном из районов, возведенных советским правительством в рекордные сроки. Каким образом одинокая девушка могла получить индивидуальную жилплощадь, история умалчивала. Коликов же все подмечал да ставил своей подопечной очередные «галочки» в послужной список.

Слежку опытный капитан Коликов срисовал довольно быстро. Почти сразу же, как девушка села в такси, за ними пристроился потертый Трабант-601 и следовал по пятам весь маршрут. Таксист, похоже, не придавал этому факту никакого значения. Работа разведок в Берлине тех лет не удивляла никого, а вот абсолютное спокойствие Эльмы назвать профессионализмом Коликов не мог. Он точно знал, что девушка слежку не заметила. Даже Коликов – опытный, тертый разведчик – не смог бы похвастать такой выдержкой, которую она сейчас демонстрировала. Оставалось одно: она точно не разведчица и слежку попросту не замечает. Стало быть, либо дилетантка, либо о наблюдении за собой знает давно и вообще не обращает на этот факт внимания. Коликов, чувствуя эмоциональный фон Эльмы, склонялся к первому варианту.

Преследователи вели себя довольно нагло. Слежку почти не скрывали и в скудном потоке машин ехали, почти не таясь.

«Штази, – сделал вывод Коликов. Да и действительно, чего на своей территории в шпионов играть? Есть задание отслеживать пути объекта, значит, нужно выполнять. – Интересно, чего им от нее нужно?»

Ехали недолго. Уже через пятнадцать минут девушка бодро цокала каблучками по внутреннему двору здания музея Боде, где, судя по всему, и работала. Для широкой публики музей еще не был открыт. Насколько Коликов знал, первые художественные галереи на острове музеев в Берлине должны будут открыться только в шестьдесят третьем. Сейчас же в музее Боде полным ходом шла реставрация и подготовка к приему первых посетителей.

Эльма прошмыгнула в здание через неприметную дверь служебного входа, так и не заметив двух мужчин в штатском, сопровождавших ее от самого моста. Коликов видел их в отражении витрин и полированных пухлых крыльях стареньких авто, проезжавших мимо.

Девушка бодро поприветствовала пожилого охранника на входе и перекинулась с ним парой дежурных фраз. Дедок похвалил ее наряд и получил в ответ обворожительную улыбку. Эльма передала привет жене охранника, видимо, тоже служащей музея, горячо поблагодарила старика за какой-то «чудесный пирог» и поднялась по массивной винтовой лестнице на второй этаж. Там она открыла собственным ключом один из кабинетов и оказалась на своем рабочем месте. Оно было небольшим. Массивный стол находился в самом углу кабинета, вдали от окна, наглухо задрапированного тяжелой шторой. Над столом висели довольно мощные лампы, защищенные светофильтрами. Стены были украшены картинами неизвестных Коликову художников – что-то из раннего импрессионизма.

«Немцы – такие немцы, – подумал капитан. – Все у них всегда правильно, все на своих местах и по регламенту».

Штора на окне, по всей видимости, препятствовала попаданию прямых солнечных лучей на картины, которые изучала и каталогизировала Эльма. По той же причине на мощных лампах были установлены светофильтры. Следующие пять часов не принесли Коликову никакой информации. Его подопечная несколько раз спускалась в хранилище, располагавшееся на цокольном этаже, брала из него какую-нибудь картину под личную подпись и тщательно изучала ее у себя в кабинете. Затем она делала выводы о качестве полотна, подлинности и ценности экспоната, вносила подробную запись в свой журнал и возвращала картину обратно. Очевидно, на основании ее записей уже другие сотрудники музея будут организовывать выставки, обмениваться картинами с соседними музеями или продавать ненужные произведения искусства.

«Безумно скучная работа», – сделал для себя вывод Коликов. Хотя, если поразмыслить, даже из этого можно было выудить информацию. Девушка работала в государственном музее в восточном Берлине. Коликов сильно сомневался, что такая работа приносила большой доход. Среди тех картин, с которыми она имела дело, особо ценных не наблюдалось, а значит, можно было исключить подпольную торговлю предметами искусства. Все, что можно было разворовать, было разворовано еще до нее. Стало быть, жить на широкую ногу с зарплаты она не могла, но и контрабандой не занималась. Тогда откуда такая роскошь? На работу на такси, отдельное жилье, пусть и в панельной пятиэтажке. Дорогие шмотки, парфюм, шелковые простыни... Не по средствам жила девчонка. Опять же, слежка контрразведки. В какую же историю вляпалась эта милашка? И почему он, Коликов, должен во всем этом разобраться?

А разбираться придется, к гадалке не ходи. По опыту Коликов знал, что такие вроде как не самые очевидные пункты истории зачастую и были триггерными точками. Либо отправными, либо поворотными – не важно. Главное, что эти точки были действительно судьбоносными. Повлияй на такую точку в прошлом, сделай правильные выводы и далеко идущие прогнозы, и можно на несколько десятилетий вперед обезопасить свою историческую линию. Может, не пресечь какой-либо конфликт, но заметно его отсрочить уж точно. Собственно, именно за это Коликова и держали в отделе. Отличная ГРУ-шная подготовка, помноженная на опыт полевой работы, и практически маниакальное увлечение историей Второй мировой войны сделали из капитана Коликова одного из лучших оперативников бригады временного реагирования. Он мог импровизировать и придумывать буквально на коленке такие исторические многоходовки, которые не снились даже самым смелым писателям-альтернативщикам.

Тем временем день Эльмы карабкался к завершению. В обеденное время она вышла из музея и сытно поела в небольшой кафешке. Открыли заведение, видимо, недавно: и здание, и само кафе были свежереотреставрированными. Заведение блистало чистотой, новой мебелью и совсем не походило на классические немецкие рестораны. То был скорее бар в стиле англий-

ских пабов. Даже барная стойка с аккуратным рядом пивных кранов имела, чем не преминула воспользоваться Эльма. К пылающим, только со сковороды, сосискам и овощам гриль она заказала полпинты ледяного драфтового пива.

«Немка, что с нее взять?» – подумал Коликов, вновь срисовывая сотрудников ГДР-овской контрразведки в баре. Два угрюмых мужика в одинаковых костюмах тоже пили пиво. Делали вид, что обсуждают футбольный матч (трансляция шуршала по радио у барной стойки), но при этом смотрели на Эльму, как коты на сметану. По неопытности можно было бы предположить, что это взгляд похотливых самцов – все-таки Эльма была чертовски привлекательной женщиной и вела себя достаточно вызывающе. Но взгляд полевого оперативника Коликов не спутал бы ни с чем. Если штazi и имели какие-либо мысли насчет красоты объекта их слезки, то успешно их подавляли: Эльма интересовала их именно с профессиональной точки зрения. И бар в этом плане был местом повышенного внимания за объектом. Тут могло быть большое количество людей (правда, сегодня был не тот случай), в людном месте легко было затеряться, провести встречу с резидентом чужой разведки, информатором, курьером. Можно было получить сведения или, наоборот, их передать. Нужно было подмечать все. Вот штazi и подмечали. Это Коликову было легко и уютно: он сидел прямо в голове девушки и понимал, что, кроме вкусных сосисок и холодного пива, в данную минуту ее больше ничего не интересовало. А им это было невдомек. Девушку вели, и вели профессионально. «Интересно, в чем ее подозревают немцы?»

Место было проходным. На обед сюда действительно заглядывало много служащих государственных и культурных учреждений. Как-никак, культурный центр южного Берлина. Потенциально – визитная карточка соцлагеря. А потому и бары тут были на уровне, и магазины могли похвастать большим, особенно по Советским меркам, выбором продуктов. В одном из таких девушка в послеобеденное время прикупила палку колбасы и головку сыра. Так, не мелочась и с размахом. В магазине взгляд девушки остановился на бутылках с вином. Сердечко Эльмы пропустило удар, низ живота томно и призывно занял. Коликов вдруг понял: да у нее сегодня свидание! Решив, видимо, что вино все-таки должен принести кавалер, она отвела свой взгляд от дорогих бутылок. Хотя Коликов понимал, что денег у этой фройляйн хватило бы не на одно свидание с виноградом, сыром и вином.

«Черт, да кто же ты такая?»

Девушку «вели» до самого музея, и опять она ничего не заметила. Или не хотела замечать? Тут уже насторожился Коликов. Опытным глазом оперативник срисовал еще одного шпика, причем на этот раз слезка велась не за самой Эльмой, а за штazi, следившими за ней. Этот щеголь прохаживался по Монбийоубрюкке, изображая туриста. Британцы? Американцы? Точно не наш.

Словно уловив обеспокоенность Коликова, Эльма оглянулась, задержав свой взгляд на мосту с оживленным движением, и вновь ее ничего не насторожило. Но волнение, которое транслировал в эфир Коликов, все же не отпустило. А волноваться Коликову было из-за чего. Этого мгновения, потраченного девушкой на оценку обстановки, ему хватило, чтобы увидеть и четвертого, следившего за девушкой. Тут уже сомнений не было никаких. Четвертый сидел в припаркованном прямо на мосту Мерседесе, и в руках у него был фотоаппарат. За девушкой не просто следили несколько разных разведок – они, вдобавок ко всему, еще и тщательно фиксировали все ее передвижения.

Глава 2

После обеда работать Эльме особо не хотелось. В хранилище она пошутила на эту тему с работницей средних лет и, отсмеявшись, попросила не нагружать ее на вечер экспонатами. Дама с каменным выражением лица внезапно растаяла и на шутку Эльмы ответила заговорщическим подмигиванием:

– Оставлю тебе две картины Пойре. Он бездарность, ты справишься в два счета, дорогая.

– Вы меня буквально спасли, фрау Гретта, – поблагодарила Эльма и в ответ одарила сослуживицу своей фирменной улыбкой.

Удивительным было то, что Эльма действительно была доброжелательна ко всем, с кем общалась. Никакой фальши или наигранности в ее улыбке или манере говорить Коликов не заметил. Будь он, скажем, объектом, которому такая девушка подарила столь милую улыбку, наверняка бы подумал, что она с ним кокетничает.

Тимуру вдруг вспомнилось одно из первых и одновременно самых сложных его заданий. Тогда он попал прямиком в июнь сорок пятого года. Тот Берлин коренным образом отличался от того, что капитан видел сейчас. Единственным признаком наступления мирной жизни были с трудом расчищенные от битого кирпича и бетона улицы, по которым бесконечно сновали туда-сюда армейские Бьюики, Студебекеры да генеральские и дипломатические Мерседесы, петлявшие между огромными воронками. Воронки же поменьше были наспех засыпаны все тем же битым кирпичом и при поездке вытряхивали из пассажиров последние кишки. В одном из таких правительственных Мерседесов и оказался тогда еще лейтенант Коликов.

Ужасно попадать в голову объекта среди бела дня. Во-первых, сам объект терял ориентацию и мог запаниковать, осознав, что в его голове, кроме него, поселился кто-то еще. Во-вторых, внедряемому оперативнику приходилось входить в курс дела уже по ходу пьесы и молниеносно реагировать на текущую ситуацию. Коликову в тот раз повезло, что объектом оказался какой-то важный доктор-психиатр. В момент внедрения его везли по Берлину на заднем сидении легкового автомобиля в сопровождении двух генералов – русского и американского. В таких «забросах» единственной возможной тактикой было скорейшее и полное подавление воли объекта и перехват контроля над его телом. Из плюсов – такая тактика позволяла быстро избавиться от лишних вопросов со стороны окружения объекта. Минутное помутнение сознания всегда можно было списать на укачивание или несвежее пиво, выпитое накануне. Пара минут с закрытыми глазами – и объект переходил под полный контроль оператора. Но были и минусы. Оператор понятия не имел об окружающей его обстановке. Вокруг мог быть бой, секс, погоня, авиакатастрофа или допрос. Причем оказаться оператор мог как в теле допрашиваемого, так и допрашивающего. Что, в общем и целом, не имело для него особой разницы – моральный удар мог быть убийственным как в первом, так и во втором случае. Представьте, что вы моргаете много-много раз и в одно мгновение оказываетесь в душной, тускло освещенной комнате. Вокруг пахнет фекалиями, кровью и смертью. Откуда-то доносятся приглушенные стоны, плач, вой. Перед вами связанный человек с вытекшим глазом. Лица человека не разобрать, поскольку вместо привычных губ, носа, скул – одно сплошное кровавое месиво. Вы смотрите на свои руки и обнаруживаете, что держите плоскогубцы, в которых зажат чей-то ноготь с висящим на нем мясом. Вам надо понять, кто вы, в каком звании и должности, кого именно пытаете и что, собственно, хотите узнать. И тут два варианта: либо безропотно смотреть на все это действие, добывая нужную информацию, либо брать под контроль сознание изверга, а после изворачиваться на ходу.

К счастью, тогда, в сорок пятом, Коликов оказался в теле психиатра, но вот понять, кто он и куда его везут, было затруднительно. Тимур выбрал выжидательную тактику, но быстро прокололся. Психиатр оказался действительно серьезным ученым и свою собственную психику

считывал на раз-два. Не захвати тогда Тимур контроль над телом доктора, тот потребовал бы изолировать себя и сам себе назначил бы психиатрическую экспертизу. И было, кстати, из-за чего – не каждый адекватный человек сможет спокойно мириться с чужим сознанием в своей голове. Как только доктор заподозрил сам за собой неладное и попытался заговорить об этом с генералами, Тимур счел за благо перехватить управление. А дальше перед бедным лейтенантом разыгралась настолько сюрреалистичная картина, что ему пришлось применить все свои навыки, чтобы не выдать своего присутствия в чужой голове.

Как оказалось, привезли Коликова (точнее, врача, в чьей голове он находился) к разрушенному зданию Рейхстага. Генералов уже встречала сборная делегация советских и американских военных. Доктора молча высадили и тайными тропами, в обход завалов и особо опасных участков руин проводили в подвалы Рейхстага. Освещение тут уже было налажено, коридоры вычищены. Делегация проделала длинный путь по огромному зданию, то спускаясь, то поднимаясь на разные уровни подвальных помещений главного символа нацистской Германии. Наконец Коликова вывели в какой-то слишком уж ухоженный коридор. Везде ковры, массивные дубовые двери кабинетов. Стоял терпкий запах военщины. Таблички со всех дверей были сбиты, но лейтенант понял, что где-то именно в этих помещениях верхушкой третьего Рейха принимались важнейшие для всего мира решения. Довольно символичным было и то, что именно в этом месте и в это время сложилась триггерная точка всей Второй мировой Войны. Не менее важная, чем под Сталинградом в сорок третьем или под Москвой в сорок первом.

Коликова остановили возле ничем не приметной двери и ввели в небольшое помещение, больше походившее на приемную. Напротив входа красовалась еще одна массивная дверь. Вместе с доктором в приемной остались переводчик и два генерала – русский и американец. Наконец врачу дали понять, что, собственно, от него требуется.

– Догадываетесь, доктор Браун, зачем вы здесь? – обратился к психиатру американский генерал.

– Могу и ошибаться, – спокойно ответил Коликов на чистом немецком. – Но, полагаю, вам нужна моя профессиональная консультация.

– Боже упаси! – похлопал по плечу доктора генерал. – Очень надеюсь, что в ближайшие сорок лет помощь мозгоправа мне лично не понадобится.

«Ну конечно, не понадобится, – подумал тогда Коликов, – ты ж американский генерал. Какие такие ужасы войны тебе лично довелось пережить?»

Вслух же ответил иное:

– Чем могу быть полезен союзникам?

– Видите ли, доктор, – кашлянув, вмешался русский генерал. Говорил он по-русски, но ради сохранения «легенды» Коликов дождался перевода, прежде чем продолжить разговор, – вы единственный врач, имевший опыт работы с верхушкой нацистской Германии.

– Что от меня требуется? – постарался не выдать своего изумления лейтенант.

Русский генерал хитро прищурился, глядя в физиономию английского доктора, и продолжил:

– Кажется, вы намеков не понимаете. Что ж, попытаемся иначе. В наших руках оказался некий человек, который, как мы полагаем, причастен к смерти миллионов людей. Сейчас он находится вон за той дверью, – генерал кивнул на закрытую дверь в дальнем конце комнаты. – И вы, дорогой доктор, в далеком двадцать четвертом году проводили медицинское освидетельствование этого объекта.

Коликов выдержал паузу, давая возможность генералу самому завершить начатую фразу. До лейтенанта реально не доходило, о чем именно толкует его далекий предок. Генерал принял молчание доктора за приглашение к продолжению беседы и действительно продолжил:

– Вы же осматривали одного «особого» заключенного в Ландсбергской тюрьме в двадцать четвертом году?

По спине Коликова пробежал холодок. Ему что, предстояло опознать самого Адольфа Гитлера? Коликов сглотнул и кивнул генералам. Те, не сговариваясь, переглянулись, и русский генерал продолжил:

– Все просто, доктор. Вам необходимо побеседовать с этим человеком и сделать свое профессиональное заключение, может ли этот человек быть тем самым «особым пациентом», с которым вас однажды свела судьба. Естественно, этот субъект внешне не похож на того, кого мы разыскиваем, но ваша медицина, в частности, достижения пластической хирургии, впечатляют.

Тимур лихорадочно соображал. В его голове проносились сотни сценариев, по которым могла пойти дальше мировая история. И дело было даже не в том, что он лично не знал Гитлера и никогда с ним не общался, – вопрос был в вероятности этого события. По сути, вариантов было только два. Или там Адольф Гитлер, или нет. Коликов рискнул и задал уточняющий вопрос:

– Но, господа, я полагал, как и все в мире, что тот человек, о ком, вероятно, идет речь, покончил с собой. Об этом писали все газеты!

– Нам плевать, что писали газеты, – довольно грубо ответил американец. – Для всего мира эта тварь так и останется покойником. Нам важно понять, он это или не он. Что с ним будет дальше, уже не ваша забота.

Коликов кивнул. Он хорошо знал историю, и в его голове уже вырисовывалась цельная картина происходящего. В той реальности, в которой жил он, Гитлер покончил с собой, а его тело было сожжено – это если верить официальным источникам. При всем этом в мире долгие десятилетия не утихали споры о том, правда это или ложь. Строились десятки конспирологических гипотез, согласно которым Гитлер выжил и бежал из Германии в Аргентину на подводной лодке. Эта гипотеза и ей подобные вкупе с поразительно живучими идеями нацизма десятки лет отравляли жизнь людям по всему земному шару. В разных странах мира как грибы после дождя появлялись и росли общества, вдохновленные этими идеями. В конце концов, все кончилось тем, что в конце двадцатого и в первой половине двадцать первого века неонацизм вновь поднял голову. Его выращивали, подпитывали и на его почве то там, то тут вспыхивали войны. Третьему Рейху свернули шею в сорок пятом, а спустя сотню лет эта чума все еще уносила десятки тысяч жизней. И это притом, что официально Гитлер умер! У Коликова не хватало воображения представить себе, что будет с миром, в котором будут распространяться слухи о том, что самый главный преступник всех времен и народов остался жив. В том, что американцы способны пустить этот «слухок», лейтенант не сомневался. Раз уж они вцепились в этот пирог, то русским этот лакомый кусок точно не отдадут.

– Я готов, – спокойно сказал Коликов, приняв решение. Генералы одобрительно кивнули доктору и проводили его в соседнюю комнату.

За дверью его ждал немолодой мужчина в новенькой форме солдата вермахта. Мужчина был в наручниках и спокойно сидел за массивным дубовым столом, ожидая аудиенции. Коликов даже не попытался разглядеть его. Какой был смысл пытаться самому разоблачить, возможно, самую крупную аферу века? Сам Тимур Гитлера не знал. Мужчина напротив, естественно, не должен был визуалью походить на фюрера. У него была иная прическа, не было знаменитых усов, лицо действительно могло быть подправлено пластическим хирургом. Какие-то общие черты с Гитлером, конечно, присутствовали. Худоба, тремор рук, разрез глаз, цвет радужки – исправить все хирурги того времени не могли. Но полной уверенности в том, что этот человек именно Гитлер, у Коликова, естественно, не было, да и быть не могло. Именно потому союзники и прибегли к такому экстравагантному методу опознания. Только человек,

знавший Гитлера лично, мог приоткрыть завесу этой тайны, а психиатр мог сделать это с еще большей точностью, только и всего.

подавив в себе желание поговорить с потенциальным фюрером, Коликов безо всяких предисловий зашел к незнакомцу за спину и свернул тому шею. Расчет был один: так как для всей планеты Адольф Гитлер был мертв, должна была оставаться мертвой и потенциальная легенда о его спасении. Нужно было вырубить на корню любую попытку манипуляций этим именем. Спекуляции на эту тему в этом времени могли привести к огромным жертвам в будущем. И в его, Коликова, будущем тоже. Убив одного то ли Гитлера, то ли солдата вермахта, Тимур избавлял все стороны от соблазна использовать это поганое имя в корыстных целях. Оно и без того принесет еще очень много горя.

Покончив с этим делом, Коликов вышел обратно в приемную.

– Что, так быстро? – удивился американец, вставая. Он даже сигару не успел раскурить.

– Да не он это, – спокойно произнес Коликов и вышел из тела бедного доктора.

Это дело очень долго разбирали. Естественно, сделанного не воротишь – шанс на внедрение дается лишь единожды. Кто-то из начальства ругал Коликова, кто-то одобрял его поступок. Был ли тот заключенный Адольфом Гитлером, никто так и не понял. Единственное, что отметили после того вмешательства в вероятность, – это странное самопроизвольное снижение преступлений на расовой почве по всему миру. Новые неонацистские ячейки образовывались, но действовали как-то вяло, натужно и без огонька. Их спонсировали неохотно, хотя раньше все было иначе. Какую роль в этом сыграл поступок лейтенанта Коликова в одной из вариаций далекого сорок пятого года, никто не знал. Но факты говорили сами за себя.

Тимур вернулся из воспоминаний в текущую реальность в тот момент, когда на столе Эльмы затрезвонил телефон. Коликов даже не понял, кто испугался сильнее – он или Эльма.

– Фройляйн Эльма, зайдите ко мне, – прохрипел чей-то голос в трубке, и девушка, захватив последнюю на сегодня картину и сдав ее в хранилище, поднялась на третий этаж.

На двери, перед которой Эльма поспешно поправляла свое платье, красовалась табличка: «Директор музея». Девушка постучала и, не дожидаясь ответа, тихонько вошла.

– Ааа, фройляйн Эльма! – дружелюбно протянул маленький суховатый старичок в серой тройке. – Входите. Присаживайтесь.

На угловатом и болезненно желтом лице директора музея немного не к месту красовались жиденькая бородка и усы в стиле Эркюля Пуаро. Маленькие глазки не желали фиксироваться ни на чем конкретном и постоянно бегали по кабинету, лишь изредка застывая на декольте подчиненной. Бровей почти не было, они скорее обозначали контур глубоко посаженных глаз. Крючковатый нос был сильно скошен в сторону, и директор постоянно трогал его рукой, словно проверяя, не отвалился ли он. В общем, Коликову этот субъект не понравился и, судя по ощущениям фройляйн Эльмы, она тоже недолюбливала директора музея.

– Вызывали, герр Диммар? – выдавила она из себя остатки дружелюбия.

– Да, фройляйн Эльма. У меня есть к вам деликатное поручение.

– Я слушаю.

– Мы на днях получили обратно часть нашей египетской коллекции.

– О, герр, так это же замечательно!

Девушка обрадовалась искренне, Коликов почувствовал это.

– Ооо, дорогая, не спешите радоваться. Вернули далеко не все. Часть коллекции передали в музей западного Берлина, другую распределили по восстановленным музеям в Дрездене. Большая и, к сожалению, самая дорогая часть коллекции – мумии и предметы роскоши, естественно, не уцелели. Нам, увы, достались лишь крохи.

Герр Диммар был искренне расстроен этим обстоятельством, но самого Коликова эта печальная для музея новость никак не задела. А вы, собственно, чего хотели? Ваши вооруженные силы разграбили пол-Европы, Россию, а они вам за это должны были сохранить дорогие

вашему сердцу экспонаты? Коликов не удивился бы факту обнаружения похищенной мумии в какой-нибудь частной коллекции арабского шейха или американского нефтяного магната. Да хоть у черта на фазенде, лишь бы за эту древнюю рухлядь можно было построить детский сад, школу или жилой дом где-нибудь в Воронеже.

– Это очень и очень печально, герр Диммар. Но я думаю, крохи – это то, с чего мы начнем возвращать себе былое величие.

Судя по тому, как сверкнули глаза директора, эта довольно двусмысленная фраза молодой немки обласкала ему и слух, и душу. Естественно, Эльма имела в виду музейное достояние немецкого народа и ничего более. Но сказано это было с чувством и с вызовом. В словах Эльмы Коликов ощутил нотки реваншизма. Ощутил их и директор музея. Судя по всему, он, как и миллионы немцев по всей Германии (чего таить?) чувствовали тогда эти нотки. Их общество, обреченное на принудительное раскаяние, раскололось на две неравные части. Одни искренне сожалели о преступлениях, совершенных вермахтом и нацистами. Открыто признавали свое поражение и брали на себя вину перед всем цивилизованным миром, были согласны на репарации и вообще довольно искренне посыпали голову пеплом. Но таких было меньшинство. Другие же делали лишь то, чего ждал от них остальной цивилизованный мир. Они, конечно, были против войны и признавали себя ее зачинщиками. Но, ко всему прочему, они первыми (и, как правило, громче всех) кричали на каждом углу, что пострадали от нацизма чуть ли не сильнее остальных народов Европы и Азии.

«Первым народом, – говорили они, – который был покорен Гитлером, был немецкий народ».

Их дети, то есть первое послевоенное поколение, имели на вооружении уже новую формулировку: «Во всем виноваты нацисты! Но не каждый немец – нацист. Конкретно мы никого не убивали, не пытали и не бомбили и отвечать за грехи отцов не собираемся».

Они отвечали. Долго отвечали. Отвечали и их дети. И внуки. Но с каждым новым поколением эта общая коллективная ответственность за самую кровавую войну в истории человечества слабела. С каждым выплаченным долларом в виде репараций они снимали с себя все больше и больше ответственности. А потом настал день, когда мир забыл. Вернее, даже не забыл, а аккуратно подправил историю и предпочел не замечать ее неудобных моментов. Волновались из-за этого обстоятельства только русские и евреи. Евреи, потому что прекратился источник репараций и сочувствия, а русские, потому что по всему миру начали беспощадно топтать их Великую Победу.

Коликов не знал, что на самом деле по этому вопросу думает Эльма. По сути, она не сказала этому напыщенному индюку ничего особенного. Каждый воспринял ее слова так, как хотел воспринять. Вопрос был в том, намеренно ли она это сделала. Если да, то она умна и умеет манипулировать людьми, знает подход к каждому. Там – посмеялись, тут – стрельнули глазками, здесь – пирог похвалили, а с начальством мы затронем чувство национальной гордости. Поведение, достойное шпионки.

Герр Диммар одобрительно кивнул и вынул из внутреннего ящика стола какие-то бумаги.

– Вот списки уцелевших экспонатов, среди них много папирусов. Мне нужно, чтобы вы провели их ревизию и оценку с учетом рыночной стоимости.

Девушка протянула руку и взяла бумаги.

– Что-то еще, герр Диммар?

– Нет, Эльма. Вы свободны.

– Могу я уточнить, к какому дню вам нужен отчет по Египту?

– Думаю, – закатил глаза директор, – у вас есть около недели. Сегодня до конца дня просмотрите эти бумаги и подготовьте предварительный оценочный лист. А завтра приступайте к работе. Начните с наиболее ценных экземпляров.

– Слушаюсь.

Девушка вернулась в свой кабинет и заперла дверь.

«А это уже странно», – подумал Коликов, глядя, как Эльма быстрыми четкими движениями раскладывает бумаги по стопочкам.

За весь день она ни разу не запирала дверь кабинета. Да и не от кого было. Во всем здании музея было от силы десять человек персонала плюс охранник. Чего же ей теперь приспичило?

Пока Коликов думал, девушка уже успела разложить все бумаги согласно какой-то только ей одной понятной системе. Затем из своей сумочки Эльма достала обычную с виду лампочку, выкрутила из плафона, висящего над ее рабочим столом, старую, вполне рабочую, и вместо нее вкрутила новую. Коликов внимательно следил за ее действиями, но пока не понимал их смысла. Девушка тем временем принялась внимательно разглядывать бумаги, переданные ей директором. Она брала каждый лист отдельно, подносила его к лампе и пристально вглядывалась в сухие цифры, отпечатанные машинописным текстом. Коликов начинал понимать, что происходит. Вероятно, девушка пыталась найти шифровку или послание, которое должно было быть напечатано или написано особыми чернилами, обнаружить которые можно было лишь в свете специальной лампы. Лист за листом перебирала она документы. Добравшись до последней страницы, тихонько выругалась. Затем еще дважды просмотрела документы, но, судя по тому, как разочарованно она бросила бумаги на стол и принялась выкручивать особую лампу, шифровку она так и не нашла.

«Значит, все-таки шпионка», – подумал Коликов.

Оставалось понять, на кого работала эта миловидная фройляйн, что именно она должна была получить и от кого. Видимо, не зря компьютер выдал именно ее имя. Интересно, чем она теперь займется? Рабочий день между тем, по всей видимости, уже завершился. Коликов ожидал, что Эльма, не получив секретного послания, займет вечер тем, чем и планировала, – пойдет на свидание.

Находиться в теле объекта так долго и не принимать никакого участия в его жизни было довольно мучительно. Все равно что смотреть кино и не иметь возможности выйти из кинозала или перемотать пленку на нужный момент. Даже нос не почесать. Несмотря на то, что никакого тела у Коликова сейчас номинально не было, обмануть мозг было довольно сложно. Хотелось встать, пройтись по комнате, размять затекшие мышцы. Коликов мог перехватить управление телом Эльмы, но понимал, что в таком случае ему придется распутывать клубок шпионской игры самому, а информации по-прежнему было крайне мало. Нужно было выждать, набраться терпения и следить за ситуацией в качестве стороннего наблюдателя.

Вопреки ожиданиям Коликова, Эльма явно не собиралась домой. Она вновь разложила документы на столе, теперь уже без какой-либо системы. Десяток листов лежали у нее перед глазами, и девушка методично просматривала каждый. Время от времени она брала в руки один из листов, подносила к глазам, просматривала содержимое. Не найдя ничего, откладывала листок в сторону и брала новый. Просмотрев каждый, она вновь разложила все листы перед собой. В самих бумагах Коликов не обнаружил ничего подозрительного. То были списки поступивших в распоряжение музея экспонатов. С немецкой педантичностью пронумерованные, разбитые на категории и классы. Напротив каждого значились цифры, отображающие дату их обретения. Также в них была информация о том, откуда прибыл тот или иной экспонат: города, названия музеев и фамилии тех, кто отправлял посылки.

Вдруг внимание девушки привлек один из листов. Дата – май шестьдесят второго. Город Берн, Швейцария. Девушка просмотрела все остальные листы и поняла, что изерна больше ничего не отправляли. Она вдруг встрепенулась, что-то явно насторожило ее. Сложила все бумаги, за исключением заинтересовавшего ее листа, в стопку и вышла из кабинета. По лестнице, ведущей в хранилище, девушка почти бежала.

– Фрау Гретта! – крикнула она на ходу. – Подождите, не закрывайте хранилище!

Чопорная сослуживица Эльмы удивленно уставилась на девушку, ключ в ее руках замер в замочной скважине.

– Эльма, дорогая, что случилось?

– Срочное задание директора, – Эльма развела руки в стороны, изобразив жест безысходности. – Герр Диммар велел разобраться с новым поступлением как можно раньше. Я засиделась у себя, разбирая эти завалы, и не уследила за временем. Как же хорошо, что я застала вас!

– Разве это не подождет до завтра? – удивилась служащая архива.

Эльма огляделась, словно их мог кто-то подслушать, и заговорщицким тоном прошептала:

– На самом деле он дал мне это поручение еще днем, но ко мне зашел Петер, и я... – она замялась и, как показалось Коликову, даже смогла вогнать себя в краску. Во всяком случае, он почувствовал, как девушка напрягла мышцы пресса. При этом движении кровь сильно бьет в голову, а лицо действительно краснеет. Жест непримечательный, но внимательный наблюдатель решит, что собеседник застеснялся. Таким маленьким хитростям учили в разведшколах. Фрау Гретта заметила смущение девушки, так и не уловив нотки фальши, и лукаво улыбнулась:

– Эх, Эльма, где мои семнадцать лет? – задумчиво сказала она и открыла хранилище. –

Покажите ваш список.

Девушка протянула листок. Служащая архива внимательно его изучила и облегченно выдохнула:

– Так это же небольшая стопка папирусов. Кстати, они в довольно сносном состоянии.

Фрау отошла, затерявшись среди стеллажей, но уже через минуту вернулась:

– Вот то, что вы ищете, Эльма. Можете взять до завтра. Как закончите, запирайте у себя в сейфе. На самом деле они стоят копейки, но мало ли... В любом случае, не понимаю, к чему такая срочность.

– Я очень дорожу своей работой, фрау, – Эльма бессовестно врала. Мастерски. Коликов мысленно аплодировал ей. Никакого Петера в ее кабинете сегодня не было, да и работа эта копеечная нужна была девушке постольку-поскольку. Вероятнее всего, должность в музее для нее была лишь прикрытием.

– Похвально, – одобрительно кивнула женщина. – В наше время такая безалаберная молодежь... Им бы поучиться вашему рвению к работе – глядишь, и не творилось бы вокруг столько абсурда.

Девушка не стала ввязываться в демагогию и, еще раз поблагодарив сослуживицу, взяла у нее из рук увесистую деревянную коробку.

– Я очень вам благодарна. Завтра верну все в целостности и сохранности.

– Не засиживайтесь тут, дорогая. Молодость дается человеку лишь раз в жизни.

Фрау Гретта хитро подмигнула Эльме. Заперев и опечатав архив, она двинулась к выходу. Девушка же быстро поднялась к себе в кабинет и вновь заперлась на ключ. Дрожащими от волнения руками она вновь ввернула свою особую лампочку и принялась изучать в ее свете древние египетские письмена. Большая часть папирусов действительно была в приличном состоянии – сохранность экспонатов поражала. Коликов успел прочесть в списках датировку большинства из них: самый молодой из этих папирусов вполне мог быть свидетелем событий, описанных в Ветхом Завете.

Но попадались и довольно трухлявые. Краска на них была уже почти не видна, символы угадывались с трудом – такие экземпляры буквально рассыпались в руках. Несмотря на это, девушка и не думала относиться к ним с пиететом. Все экземпляры, не прошедшие ее проверку под особым светом, просто грубо отбрасывались в сторону.

Наконец Коликов ощутил, как в груди девушки замерло сердце.

«Нашла».

Один из папирусов привлек внимание Эльмы. Девушка дважды проверила его под лампой, а затем достала из сейфа какой-то пузырек и кисточки. Папирус она положила прямо перед собой, навела на него свет от настольной лампы и принялась аккуратно наносить кисточкой жидкость из склянки. Наконец Коликов увидел то, что заставило сердце Эльмы пропускать удар за ударом. Прямо на глазах, из ниоткуда, под действием реактива всплывали какие-то символы. Человек неподготовленный принял бы их за те же самые, какими был исписан весь папирус. Во всяком случае, Коликов, незнакомый с египетской письменностью, разницы не уловил, да и никто бы не уловил – слишком уж специфический навык. Но только не Эльма. Девушка достала из своей сумочки блокнот и старательно перенесла в него все проявившиеся знаки. Уже через пять минут Коликов глядел глазами немецкой шпионки на пять строк замысловатого текста. К слову, после высыхания реактива пропали и знаки, им проявленные.

Судя по возбуждению, в котором пребывала девушка, она нашла то, что искала. К великому удивлению Коликова, Эльма без колебаний сожгла особый папирус – кабинет тут же наполнился запахом тлеющей лучины. Коликов сначала удивился такой неосмотрительности, но вовремя спохватился – противопожарной сигнализацией музея того времени оборудованы еще не были.

Тем временем девушка вновь поменяла в светильнике лампочку и спрятала в сейф оставшиеся древние письма. Записную книжку с добытой информацией она спрятала в подкладке своей сумочки. Наспех приведя себя в порядок перед зеркалом, заперла свой кабинет и направилась к выходу.

Несмотря на волнение, царившее в душе девушки, она легко бросила охраннику на выходе добродушное «до завтра» и спокойно покинула территорию музея.

«Как же хорошо владеет собой эта девочка!» – восхитился Тимур.

На этот раз девушка не стала ловить такси, а неторопливо зашагала по вечернему Берлину в сторону центра. Сейчас она вела себя несколько иначе. Днем, казалось, ей и в голову не приходило, что за ней может быть слежка, а сейчас она, как по учебнику, проделывала все необходимые манипуляции, чтобы проверить наличие хвоста. Она несколько раз кардинально меняла направление своего движения, нарезала круги вокруг кварталов, сделала вид, что ждет трамвай на остановке. Пропустила несколько, но ни на одном так и не уехала. Все это время она пристально наблюдала за прохожими: пыталась вычислить по их лицам заинтересованность к своей персоне, искала людей, которых могла видеть сегодня.

Коликов, конечно, вычислил слежку в два счета – за девушкой точно следили. Следили несколько разных разведок, причем делали это открыто и непрофессионально. Единственное, чего Коликов не понимал, это видит ли слежку сама Эльма. Срисовала ли она тех двоих, что следили за ней в баре? Понимает ли, что в наблюдении за ней участвует сразу четыре разных автомобиля, постоянно сменяющие друг друга? По ее поведению Коликов так и не понял, заметила ли она хвост за собой или действительно ничего не видит. Или, может, это у нее тактика такая? Если так, то нервы у этой барышни были стальными. Слежки ли она не видела или упорно играла роль неопытной шпионки, но действовала при этом строго по инструкции – благо во всех разведшколах они были схожими.

Так Коликов и протаскался со своей подопечной по центру восточного Берлина два часа, все это время оставаясь в тяжелом неведении относительно истинных оперативных способностей молодой шпионки.

С наступлением темноты негостеприимный восточный Берлин все же наводнился прохожими. Толпа оживила серые улицы: служащие и клерки, работники магазинов и кооперативных лавчонок, военные и полицаи – все как один повылезали из своих нор в надежде разнообразить свою тусклую, до тошноты скучную жизнь.

Эльма лавировала в толпе, словно лыжник на склоне. От ее благостного дневного настроения не осталось и следа, сейчас девушка была сосредоточена и напряжена. Руководствова-

лась она, по всей видимости, лишь сухими инструкциями и холодным расчетом. Движения ее сделались порывистыми и четкими, походка больше напоминала легкий бег. Со стороны она, должно быть, выглядела, как торопящаяся на свидание барышня. Она лихорадочно сжимала под мышкой свою сумочку – Коликов чувствовал, насколько напряжены пальцы ее рук.

Интересно, что за информация скрыта в той шифровке? От кого она и кому предназначена? Эльма определенно пока не могла знать ответы на эти вопросы. Шифровка на то и шифровка, чтобы ее никто не смог прочесть, не зная ключа. Имела ли этот ключ сама Эльма или она всего лишь курьер, Коликов не знал. Но, судя по всему, в скором времени загадка должна была проясниться. Девушка свернула в какую-то подворотню и быстро спустилась в полуподвальное помещение довольно маленького и неприметного бара.

«А вот и явка», – подумал Тимур и периферическим зрением девушки увидел отблеск фар автомобиля. Вероятно, одного из тех, что следовали за ней на протяжении всего пути. Как ни странно, но довольно грамотные действия Эльмы на время позволили ей отделаться от пешего хвоста. Возможно, поторопись она забежать в бар, то и ребята на авто проехали бы мимо. Но тихий скрип тормозов не позволил Коликову расслабиться. По опыту он знал, что сейчас, вероятнее всего, настанет кульминация его текущего задания. И от выбора, который он сделает, будет зависеть многое в его будущем.

Глава 3

– Итак, Геннадий Степанович, что вам известно об этой женщине?

На голограмме посреди длинного полированного стола повисла информация об объекте. Голос генерал-майора Литвинова звучал тихо, даже с присвистом. Это наводило Зорина на мысль, что генерал находится в ярости.

– Не могу знать, товарищ генерал-майор! – лихо отрапортовал полковник, догадываясь, что каждое сказанное им вслепую слово может здорово аукнуться ему в скором будущем.

Уже не первый раз он попадал впросак по вине Коликова, но сегодня капитан превзошел самого себя. Была четкая директива, спущенная «сверху», – прорабатывать все вероятности, связанные со Второй мировой войной в целом и с Великой Отечественной в частности. Перед вызовом на ковер полковник Зорин успел лишь вычислить, какую из вероятностей, предложенных компьютером, выбрал своевольный капитан. И выбор этот полковника просто обескуражил. Шестьдесят второй год! Зорин прекрасно понимал: просочись эта информация наверх, оправдаться будет трудно. И вот – просочилось. Вытирайте, товарищ полковник. А как, собственно, он, полковник Зорин, может контролировать процесс внедрения, инициированный капитаном Коликовым во внеслужебное время?

«Тактика у меня такая», – мысленно передразнил Коликова Зорин и, выдохнув, продолжил докладывать генералу:

– У капитана Коликова тактика такая, – сказал и мысленно выругался: «Дурак! Ничего умнее не придумал?»

– Не подчиняться прямым приказам – это, по вашему, тактика? – леденящим душу басом прогремел генерал.

– Я не о том, товарищ генерал-майор. Коликов – оператор толковый, но внедряться по правилам, увы, отказывается. Может лишь в спящего объекта проникать, а для этого внедрение производит ранним утром.

– Полковник, ты чего мне уши греешь? Я эту систему разрабатывал, я у ее истоков стоял. Мне ли не знать, что наше утро и утро объекта внедрения вообще никаким образом не пересекаются?! Внедрения происходят случайно, на выбор даются лишь вероятность и сам объект. А все остальные параметры, будь то утро, вечер, трезвый объект, пьяный или, может, обоссанный в окопе лежит, – это уже частности, которые никак не контролируются. Ни компьютером, ни оператором.

– Я знаю, товарищ генерал-майор, – побелел Зорин. – Но повлиять на капитана Коликова никак не могу. Я уже несколько раз писал рапорт на ваше имя о его отстранении от оперативной работы.

– Коликов самый результативный из операторов! – возразил генерал. – Мы не можем принять такой рапорт от вас. Сам Коликов, насколько я понимаю, вполне доволен работой и на вас, между прочим, ни разу не пожаловался.

«Еще бы эта тварь на меня пожаловалась, – зло подумал Зорин. – Я ему жопу раз двести прикрывал уже!»

– Так точно! Доволен! – поддакнул он генералу.

– Ему действительно не хватает дисциплинки, – уже мягче продолжил генерал, – но увольнением такие вопросы не решаются, полковник.

– Так каким же образом мне на него влиять? Я не могу сутками напролет сидеть на объекте. А если бы и мог – капсула подчиняется только оператору. Мое присутствие в пультовой никоим образом не влияет на выбор Коликовым вероятностей.

– Политрабату нужно проводить грамотнее, полковник! – назидательно подняв палец вверх, изрек генерал. – В наше время политрабату проводили каждый день, а иногда и посреди

ночи поднимали, чтобы «позаниматься». И все доходчиво объясняли. И до всех доходило. А с теми, до кого не доходило, занимались сверхурочно.

Генерал встал с потерянного временем кожаного кресла, прошел в дальний конец кабинета и вынул из приоткрытого сейфа досье.

– Возьми-ка, прочти, – тонкая папочка полетела по полированной поверхности стола и замерла у самого его края – видимо, у генерала уже рефлекс выработался. – Накопай об объекте все, что только можно. Все архивы подними, все связи подключи, но информация об этой Эльме Хейнкель к вечеру должна лежать у меня на столе. И папочка к вечеру должна существенно прибавить в весе. Нужно понять, почему компьютер предложил поработать именно с ней.

– Есть добыть информацию! – Зорин взял папку и посмотрел на генерала. – А с Коликовым что делать? Отзывать?

– Ты не хуже меня знаешь, что отозвать его не получится. Во всяком случае, не повредив ему рассудок, – генерал вдруг сменил гнев на милость и, усевшись в свое кресло, уже спокойным тоном добавил. – У Коликова на сенсации чуйка! Ты сам это знаешь. Раз он посмел ослушаться прямого приказа, значит, что-то в той вариации его смутило. Твоя задача как начальника – выяснить, что именно.

«Телка молодая его смутила», – подумал Зорин, но вслух произнес другое:

– Но, товарищ генерал-майор, как же мне подтягивать дисциплину капитана Коликова, если вы сами ему потакаете?

– А ты мне не дерзи тут! Ты его начальник, получать по голове за косяки подчиненных – твоя святая обязанность. Свободен!

– Но эдак демон Коликова совсем распояшется! – попытался возразить Зорин, но властный голос генерала его одернул:

– Все, я сказал! Кру-гом! Шагом марш!

На встречу с Эльмой так никто и не явился, она напрасно провела вечер в баре. Коликов понял, что девушка не раз бывала в этом сомнительном заведении. Во всяком случае, бармену она бросила короткое: «Мне как обычно», а затем смело отправилась дожидаться своих сарделек и пива за свободный столик. Пару раз к ней подсаживались подвыпившие мужчины в надежде раздобыть на вечер дешевой и чистой любви – слишком уж образ Эльмы не подходил к этому заведению. Коликову бар больше напоминал старенькие московские рюмочные с одной лишь разницей – вместо знаменитых чебуреков тут подавали сардельки. Кстати, приличные – наверняка контрабанда с запада. Эльма легко отделялась от навязчивых ухажеров. Коликов выяснил, что его миловидная на вид подопечная в совершенстве владела местным сленгом и фольклорной речью. Она заложила несколько филигранных речевых оборотов, причем со вторым ухажером нарочно произносила свою речь громко, так, чтобы в баре все уяснили – она не на работе, она ждет встречи.

Но с самой встречей, видимо, вышла неувязочка. Девушка впустую прождала до одиннадцати вечера, безучастно посасывая из соломинки какой-то забугорный безалкогольный коктейль, уже третий по счету. Вела она себя довольно правильно, внимания к себе не привлекала – во всяком случае, намеренно. Посетителей пристальными взглядами не смущала, но каждого бегло изучала. Села девушка так, чтобы видно было и вход в бар, и все проходы в подсобные помещения. Позади себя она оставила не самый очевидный, но все же путь к отходу. Помещение находилось на цокольном этаже, и при желании можно было легко покинуть здание через приоткрытое окно – достаточно было забраться на столик и подтянуться. Коликов смутно представлял себе ситуацию, в которой девушке удалось бы вытворить такой трюк быстро, но за выбор позиции он ее все же похвалил.

Запланирована ли была встреча на сегодня или связной должен был являться в этот бар ежедневно, Коликов не знал. Ему оставалось лишь безучастно наблюдать за развитием истории. Конечно, было довольно скучно, но специфику работы ему объяснили еще при отборе в отряд. Он был готов и на это, и на то, что после каждой «командировки» реальное тело приходилось приводить в порядок не меньше недели. Капсула высасывала из оператора все соки. Как в психическом плане, так и в физическом.

Изобретение на самом деле было гениальным. Насколько Коликов знал, аналогов подобным капсулам, как и самой технологии перемещения чужого сознания во времени и пространстве, не было ни у китайцев, ни у пиндосов, ни у иранцев, ни у евреев с индусами. Бедные британцы из МИ-5, ютившиеся после «Великой Волны Возмездия» в полуразрушенной Варшаве, даже мечтать о таких технологиях не могли. Не говоря уже о японцах. Они зализывали раны и строили козни, но как-то тихо, не высовываясь, глубоко запхав себе в анналы истории свои имперские замашки. А технология работала. Кому именно из ученых российской корпорации «Заслон» пришла в голову мысль влиять на инфополе Земли, Коликову было неизвестно – эта информация была строго засекречена. Но он точно знал, что с этого все началось. Как только в России появился первый анализатор инфополя планеты, стало ясно, что в этом поле обитают не только текущие потоки информации, но и всё, что могло туда просочиться за последние сто тридцать лет. Глубже заглянуть так и не удалось. То ли старая информация со временем рассеивалась, то ли разбавлялась новыми потоками информации, то ли мощностей у нашего суперкомпьютера не хватало. В общем, был барьер в сто тридцать лет, глубже проникнуть не мог никто. Со временем ученые обнаружили, что инфополе содержит не только физическую информацию – данные, которые можно записать на носитель, а после воспроизвести или прочесть. Расширяя спектры сканирования, ученым удалось выявить особый вид информации. Она была крайне неустойчивой, изменчивой и потому легко поддавалась коррекции. То есть на эти потоки можно было влиять. Нужны были лишь охлажденные до сверхнизких температур полупроводники и растущие откуда надо руки инженеров. Одно открытие тянуло за собой другое. Вскоре стало понятно, что эта изменчивая информация есть не что иное, как чистый поток сознания конкретных людей. Поначалу все решили, что эти потоки сознания принадлежат людям, живущим сейчас, в две тысячи пятидесятом году. Но со временем наши ученые придумали способ прямого внедрения чужого сознания в конкретный изолированный поток, пойманный в общем инфополе. Первые же эксперименты на добровольцах показали, что все потоки сознания, к которым у человечества есть доступ, принадлежат людям давно почившим. Под это явление даже теорию подвели: мол, ныне живущие еще не так сильно повлияли на ход истории, чтобы удостоиться чести быть записанными в ее общее инфополе. В общем, доступ был лишь к далекому прошлому. Каково же было удивление первых путешественников во времени, когда они поняли, что, внедряясь в чужое сознание, можно не только наблюдать за объектом, но и влиять на его действия, а в ряде случаев и полностью перехватывать управление им. Как правило, эти влияния так или иначе воздействовали на текущую временную линию.

– Огоньку не найдется? – Коликов, похоже, закемарил и пропустил момент, когда к Эльме подошел какой-то здоровяк. Да, при внедрении и многочасовом бездействии сознание утомлялось ровно так же, как и при простой умственной работе. А раз есть утомление, то есть и его последствие – потребность во сне. Довольно опасное состояние, кстати. Случалось, что уснувшего оператора выбрасывало обратно в капсулу и вмешаться в ход текущей операции он больше не мог. Повторное внедрение организовать не получалось – вселенная давала лишь один шанс повлиять на свое прошлое. И это хорошо, если просто выбрасывало... При экстренном выбросе можно было и без мозгов остаться. Так что Коликов был здоровяку благодарен. Чего нельзя было сказать об Эльме – она явно была на взводе и ответила мужчине довольно грубо.

– Не курю, отвали.

– Я не спрашивал, куришь ты или нет, – довольно нагло ответил мужчина. Только сейчас Коликов, а точнее Эльма, удосужилась его разглядеть. Перед девушкой уселся небритый толстяк в потертой кожанке и темных очках. Такой американский байкер из сороковых, только в Германии шестидесятых. Дикий сюрреализм. Коликов даже усомнился в том, что действительно не спит. – Я просил огоньку, детка.

Коликов сразу понял, что происходит. Скорее всего, здоровенный мужик – один из оперативников, следивших за Эльмой. Судя по чистому баварскому выговору, все-таки штати. Девушку устали пасти и решили задержать. Или же они по своим каналам получили информацию о том, что именно сегодня через Эльму будет передана шифровка. В людном месте разведка светиться не хотела, а потому к девушке подослали провокатора, который должен был спугнуть ее и вынудить выйти на улицу, в ночь. Там девушку задержат и увезут на допрос. Возможно, с пристрастием. В сумочке они обнаружат записную книжку, а в ней те каракули. Без ключа, которого у самой Эльмы, может, и нет вовсе, записку они, скорее всего, не расшифруют. Девушку будут долго пытаться, а потом искалеченную, беззубую, с несколькими сотрясениями мозга и переломом челюсти определяют в какую-нибудь больничку восточного Берлина. Через пару месяцев девушку осудят как шпионку. У них в загашнике наверняка завялялось несколько эпизодов, которыми они смогут доказать ее причастность к какой-либо западной разведгруппе. Один из самых гуманных судов в мире, естественно, даст Эльме максимальный срок, и она выйдет из тюрьмы глубокой старухой лишь после «потепления». Это если вообще выйдет.

«Что же вы хотели мне сказать, подсовывая эту недошпионку?» – злился Коликов, прекрасно понимая, что сейчас будет. У него даже созрел коварный план помочь бедной девочке выпутаться из этой ситуации. «Так, мол, и так, задание близилось к концу, девушка была близка к провалу...» – Коликов на ходу придумывал оправдание своему вмешательству. Нужно было что-то предпринимать.

Но Эльма его опередила.

– Ой, простите, – пролепетала она, медленно поднимаясь с места. – Я совсем вас не признала.

Бугай несколько опешил, но с места не сдвинулся. Девушка же, медленно обходя столик, положила свою руку на его горячую мозолистую ладонь и, подойдя к тому вплотную, наклонилась прямо к его лицу.

– Я уж думала, ты не появишься, милый, – нарочито громко, так, чтобы ее было слышно у соседних столиков, сказала она. Девушка бросила беглый взгляд на зал, и лишь убедившись, что весь бар наблюдает за ними, преодолела последние сантиметры, отделявшие ее губы от губ боевика.

Вам случалось целовать огромного бородатого байкера? Нет? Для Коликова этот опыт тоже был в новинку. Капитану пришлось приложить всю свою волю, чтобы немедленно не прекратить это безобразие. Девушка целовала боевика жадно, сладко, как самого желанного на свете любовника. Коликов даже не понял, что было более омерзительным в этот момент – насмешливые возгласы вокруг или то, что бородач, хоть и удивился, но все же с готовностью ответил на поцелуй девушки. Его огромный язык то и дело норовил перекрыть ей дыхательные пути. Огромные ладони тут же обосновались на талии Эльмы и тисками сжали ее хрупкое тело. Девушка же, ни капли не смущаясь, лишь усилила страстность, с которой целовала противного байкера. Правая рука мужчины соскользнула к ее ягодицам. Не встретив никакого сопротивления, она опустилась еще ниже на бедро девушки, и Коликов почувствовал, как этот бугай довольно бесцеремонно запустил свои грязные пальцы Эльме промеж бедер, почти достав до самого сокровенного.

«Нет, этого российский разведчик точно не потерпит!» – яростно запротестовал Коликов, уже готовый схватить рукой Эльмы огромную пивную кружку и со всего размаху разбить ее о голову хама.

В самое последнее мгновение девушка отстранилась от мужчины и горячо прошептала незнакомцу прямо в ухо:

– Потерпи, сладкий, я только носик припудрить...

С этими словами она отошла от обескураженного разведчика и быстрым шагом направилась в уборную. Ее путь сопровождали все пятнадцать голов завсегдатаев бара.

Девушка заперлась в туалете и первым делом прополоскала рот.

«Спасибо, милая, – язвительно подумал Коликов. – Дальше-то что?»

Эльма быстро вынула из своей сумочки блокнот, одним движением раскрыла его на нужной странице и вперила в шифровку глазами.

«Что ты делаешь? Тебя сейчас по стенке размажут!»

В подтверждение мыслей Коликова ручка на двери в туалет резко задергалась, затем по хлипкой двери забарабанили. Надолго эта преграда задержать боевика не смогла бы, но девушка даже взгляда не отвела от своей записки. Она методично проглядывала каракули, фиксируя взгляд сразу на группе значков. Каждая такая фиксация завершалась легким морганием.

«Мнемоника? – удивился Коликов. – Ты пытаешься запомнить этот бред?»

Дверь начала ходить ходуном, затрещали петли. Мужчина снаружи явно пытался выломать хрупкую преграду, поняв, что девушка обхитрила его. Эльма тем временем закончила изучение шифровки, затем одним резким движением вырвала страницу из блокнота и запихнула ее в рот. Коликов почувствовал горьковатый привкус бумаги и чернил. Девушка быстро жевала записку и проглотила улику в самый последний момент. Дверь в туалет слетела с петель. На пороге показался тот самый бугай, который минуту назад был облапошен банальным поцелуем. Девушка всем своим видом источала невинность.

– Ну что же ты так нетерпелив, милый? – спросила она, медленно задирая юбку. Показался белоснежный треугольник кружевных трусиков. – Хочешь меня прямо здесь?

Мимолетного взгляда мужлана на соблазнительную зону Эльме хватило, чтобы нанести ему сокрушительный удар ногой в пах. Огромный мужик, издав сдавленный стон, сложился пополам. В следующее мгновение девушка нанесла удар коленом в нос похотливому мужику, и оно с чавкающим звуком вошло в болевую точку. Послышался неприятный хруст, брызнула кровь. Не ожидавший такого напора боевик рухнул навзничь без сознания. Только сейчас Коликов понял, зачем его подопечная светила трусами перед боевиком. Помимо очевидного отвлекающего маневра, этот жест давал ее ногам пространство для движения. Попробовали бы вы размахивать ногами в узенькой юбке да на каблуках! Молодец, девчонка!

Эльма быстро и профессионально обыскала поверженного противника. Никаких документов.

«Можно подумать, разведчики будут носить с собой удостоверение, – съязвил мысленно Коликов. – Чему вас только учат? У тебя же счет на секунды!»

Но обыск все же принес свои плоды: девушка разжилась увесистым «вальтером», обнаружившимся за поясом боевика. Эльма мгновенно, практически рефлекторно привела оружие в боевое состояние – профессионально опустила флажок предохранителя и передернула затвор, досылая патрон в патронник. Руку с пистолетом она опустила в сумочку, чтобы ствол не бросался в глаза, и как ни в чем не бывало вышла из уборной. На девушку тут же устремились взгляды посетителей и бармена.

– Там человеку плохо, – беззаботно констатировала Эльма, злорадно улыбнувшись, и пошла к выходу.

За считанные секунды она преодолела десяток ступеней и оказалась в темном переулке. Там ее поджидали двое мужчин в плащах и шляпах. Тихо рокотал двигатель автомобиля неподалеку. Не вынимая руку из сумочки, словно она искала там что-то, девушка пошла прямо к мужчинам. Оперативники переглянулись, не понимая, почему объект вышел не в сопровождении их товарища, а в одиночестве. Немного помешкав, один из них все-таки отделился от стены и пошел Эльме наперерез.

– Фройляйн! – окликнул он девушку, поднимая руку. Второй боевик оставался чуть позади и правее.

– Вы мне? – на чистом французском языке отозвалась Эльма, чем сильно удивила мужчину в шляпе. – Простите, я не говорю по-немецки. Сколько стоит ваша коза?

По всей видимости, оперативник начал подбирать в голове фразу на французском, но не успел. Девушка резко выхватила из сумочки пистолет и мгновенно выпустила по пуле в каждого из мужчин. Оба завалились – первый лицом вперед, второй на бок. Они еще шевелились, когда девушка выпустила в каждого дополнительно по две пули, добивая.

Сказать, что Коликов был ошеломлен, – не сказать ничего. В голове еще звенело от выстрелов, разорвавших ночную тишь Берлина, а девушка уже стремительно удалялась с места преступления на автомобиле покойных. Беглый взгляд в зеркало заднего вида старенького Трабанта зафиксировал погоню. Как только автомобиль сорвался с места, позади него зажглись фары. Эльма тут же свернула на соседнюю улицу и поддала газу, но фары преследовавшего ее автомобиля показались в зеркале заднего вида снова как раз в тот момент, когда девушка свернула в очередной переулочек. Затем еще и еще. Фары не отставали. Сомнений не оставалось – за девушкой увязалась погоня. Причем преследовавший ее автомобиль был явно мощнее неуклюжего средства передвижения штази. Коликов готов был поспорить, что за ними увязался тот самый Мерседес с фотографом за рулем. Девушку это обстоятельство, по всей видимости, никак не смутило. Адреналин в ее крови зашкаливал. Коликов чувствовал ее возбуждение, практически граничившее с сексуальным. Вот уж не скажешь по этой хрупкой девчужке, что она способна вырубить здорового мужика, затем хладнокровно расстрелять еще двоих и при этом получать от такой работенки наслаждение. Коликову тоже приходилось бывать в передрыгах, но в его организме ничего подобного не происходило. Вот уж поистине, женщина – загадка!

Тем временем Эльме, похоже, удалось благодаря маневрированию вкупе с отличным знанием города оторваться от погони. Уже несколько поворотов подряд Коликов не видел в зеркале заднего вида преследователя. Но только он решил перевести дух и сосредоточиться на дороге, как на перекрестке Трабанту в бок со всего размаху влетел тот самый Мерседес. Обе машины развернуло и отнесло в ближайший фонарный столб, от чего тот накренился и погас. От удара Эльма сильно приложилась головой о боковое стекло и на короткое мгновение потеряла ориентацию. Коликов почувствовал, как по ее виску потекло что-то горячее. Девушка была явно оглушена и не понимала, что происходит. Обе машины заглохли, наступила грозная тишина. Девушка закрыла глаза, видимо, потеряв сознание, но Коликов в ее голове слышал, как открылась дверь протаранившего их автомобиля. Звонкие шаги. Звук открывающейся водительской двери Трабанта. Девушку подхватили под мышки и куда-то поволокли. Рев мотора, визг тормозов. Очевидно, подъехал еще один автомобиль. Эльму довольно грубо запихнули на его заднее кресло.

– Обыскать! – послышался мужской голос откуда-то спереди. В тот же момент мотор взревел, и автомобиль рванул с места. Находившийся с девушкой на заднем сиденье человек начал рыться в сумочке. Видимо, обнаружил блокнот и выругался по-немецки, но с сильным акцентом. Похоже, эти были американцами или британцами.

– Вырвана страница!

– Ее саму обыщи! – посоветовал водитель, резко маневрируя.

Коликов ощутил, как грубые руки довольно бесцеремонно начали шарить по телу Эльмы. Под жалостливый треск швов платья эти руки побывали у девушки в бюстгальтере, затем спустились вдоль талии. С ног слетели туфли. Грубые руки ощупали каждый сантиметр соблазнительных чулок, а затем проскользнули под платье. Коликов вдруг почувствовал сильную боль в промежности. Вернее, эту боль почувствовала Эльма, а капитан лишь воспринял ее. Это наглый оперативник одним сильным рывком сорвал с девушки кружевные трусики. Не найдя ничего, он не погнушался засунуть свои грязные пальцы девушке в оба отверстия.

«Господи, – взмолился Коликов, – как же трудно девушкам-шпионкам!»

– Все чисто! Шифровки нет!

– Значит, она съела ее или в унитаз спустила, – догадался водитель. – Ладно, возем ее на базу, там разберутся, что с ней делать.

«А черта с два!» – выругался Коликов и со всего размаху зарядил мужику, обыскивавшему беспомощную девушку таким пошлым образом, пальцем в глаз. Дикий рев боевика заглушил звук раскрученного до предела мотора. По всей видимости, они уже ехали по какому-то шоссе и набрали приличную скорость.

– Что там у вас? – выкрикнул водитель. В темноте он не мог видеть, как Коликов совершил еще несколько резких движений. Во-первых, он с силой ударил обидчика своей подопечной в кадык, сломав его и перекрыв тому доступ кислорода. Оперативник схватился окровавленными руками за горло и захрипел, тщетно пытаясь сделать вдох. Кадык теперь работал в качестве клапана, успешно выпуская воздух, но не давая тому входить обратно в легкие. Обезвредив одного боевика, Коликов тут же набросился на водителя. Мертвой хваткой он схватил того за горло и не отпускал до тех пор, пока автомобиль не вылетел в кювет. Машина несколько раз перевернулась через крышу и, наконец, замерла на боку. Коликов ожидал этого, а потому в самый последний момент смог сгруппироваться и упереться в потолок машины обеими руками. Водителю же повезло меньше. Выползая из разбитого вдребезги автомобиля, Тимур пощупал пульс у своих похитителей – оба были мертвы. Последнее, что мог сделать капитан Коликов, полагаясь на хрупкое женское тело, это оттащить водителя от руля. Непрестанно звучащий рев клаксона затих, и тихая ночь зазвенела у него в ушах.

«Все... – подумал капитан. – Теперь ты в ответе за тело, которое приручил».

Все обернулось полным крахом. Коликов оказался в полуобнаженном женском теле посреди какого-то шоссе, ночью. Что было в записке, он не знал. Добраться до памяти объекта он не мог. Он упустил возможность разобраться в триггерной точке шестьдесят второго года. Задание провалено. По сути, можно было спокойно отключаться от тела девушки и выходить из капсулы. Ох, и обрадуется же полковник Зорин! Первый провал Коликова должен был стать последним. Эта крыса канцелярская теперь не успокоится, пока не вышвырнет его из бригады.

Но Коликов почему-то медлил. Ему было жалко оставлять Эльму одну в этом богом забытом месте. Нужно хоть укрытие какое-нибудь найти. Не по-джентельменски как-то было бросать такую отважную девушку наедине с такими эпичными проблемами.

Тимур решил, что доберется до ближайшей деревни или заправки, и, прежде чем покинет тело разведчицы, найдет для нее какое-нибудь укрытие.

Он шел лесополосой вдоль шоссе. Босые ноги уже нестерпимо болели. И почему ему в голову не пришла идея найти в раскуроченной машине туфли девушки? Хотя передвигаться по пересеченной местности на каблуках тоже так себе затея.

– Идиот! – крикнул чей-то женский голос в голове Коликова. – Можно же было каблуки сломать и идти нормально! Ты кто вообще такой? Какого черта ты делаешь в моей голове? Почему я не могу пошевелиться?

С таким поворотом Коликов столкнулся впервые за всю карьеру – откуда-то из глубин сознания с ним говорил объект внедрения. Коликов владел ее телом, ее голосом, но не понимал, каким образом Эльме удалось сохранить свое «Я».

Глава 4

– Итак, Эльма Хейнкель, – докладывал полковник Зорин. – Двадцать восемь лет. Не замужем. Детей нет. Работает искусствоведом в музее Бодэ в восточном Берлине. Триггерная точка в седьмом «Б» секторе. Тысяча девятьсот шестьдесят второй год.

– Это есть в досье, – резко перебил полковника генерал Литвинов. – Рассказывай то, чего я не знаю, что удалось накопать!

– Мы перерыли все архивы, – продолжил Зорин, – перелопатили тонны информации. Пришлось взламывать несколько сайтов, включая сайт разведывательного управления Германии.

– Да не лей ты воду, полковник! – разозлился генерал. – Мне неинтересно слушать, как тяжело вам было – это ваша работа. Почему компьютер выбрал именно ее?

– Уверенности нет, товарищ генерал-майор, но мы полагаем, что компьютер выбрал именно эту вероятность из-за причастности этой девушки к тайне золота третьего Рейха.

У генерала округлились глаза.

– Но я полагал, эта история уже давно в прошлом. Все золотые счета вскрыты и обнаружены. Судебные процессы по этому делу тянулись годами. Крупнейшие банки Швейцарии еще в начале века выплатили крупные штрафы и репарации пострадавшей стороне.

– Да, все верно. Но куда труднее этим банкам было после Третьей мировой, – уточнил Зорин. – Зря они оцифровали все свои данные. Все вскрылось. Сами знаете, в какой же... в каком положении сейчас банковская система Швейцарии.

– Так и я про то, – согласился генерал. – Не понимаю тогда, о каком золоте идет речь.

– В том-то и загвоздка, – полковник Зорин протянул генералу какие-то бумаги. – Вот что удалось выяснить нашему аналитическому отделу. Информация неофициальная и требует долгой и тщательной проверки, но тем не менее... В общем, почитайте. Сами все поймете.

Генерал покосился на полковника и с недоверием взял бумаги. По-стариковски нацепив на нос очки, он внимательно ознакомился с докладом. Если в самом начале он читал явно наискосок, то к середине и ближе к концу документа все свидетельствовало о том, что он крайне удивлен.

– Но это же означает... – неуверенно начал он, отстранив документы и взглянув на полковника Зорина поверх очков.

– Да, товарищ генерал-майор. Судя по всему, этим пройдохам не удалось легализовать такое количество золота. Они знали это еще тогда, в сорок пятом. Но жадность...

– И что же они сделали с остатками? – генерал был на взводе, и возбуждение его уже не носило негативного окраса. Запахло по меньшей мере еще одной звездой. А, быть может, и не только на погонах.

– Ничего умнее эти банкиры не придумали, как зарыть это золото в землю. Буквально. Вывезли по частям из Европы и законсервировали в старых шахтах. И вы ошибаетесь, называя оставшуюся часть золота «остатками».

– О каких суммах может идти речь? – голос генерала против его воли осип. Он прокашлялся и уставился на Зорина.

– Думаю, как минимум половина от того, что нашли в конце двадцатого века и после Третьей мировой.

– Ты сдурел? Это же колоссальная сумма! Десятки тонн золота!

– Сотни, товарищ генерал-майор, сотни.

Повисла пауза. Каждый взвешивал в голове мысли так, словно они тоже были отлиты из желтого металла. Наконец генерал произнес:

– Получается, эта Эльма Хейнкель знала, где хранится оставшаяся часть, знала, где эти законсервированные шахты находятся? Да кто она вообще такая?

– Шпионка, – уверенно ответил полковник Зорин.

– И на чью разведку работала эта шпионка?

– А вот это самый интересный вопрос, товарищ генерал-майор.

– Так, нам обоим нужно успокоиться, – твердо сказал Коликов, продираясь сквозь кустарник.

– Тебе легко говорить. А я тела лишилась, – Эльма успокаиваться не хотела. Тимур успел вкратце рассказать ей о себе и своей работе. Вероятно, Эльма не поверила ни единому его слову, но трудно сохранять здоровый скептицизм, когда налицо подтверждение слов незнакомого мужика, который сейчас целиком и полностью владел ее телом. – Какое ты вообще имел право влезать в мою голову? Это что, ты, получается, и голой меня видел?

– Я и сейчас голый, если ты не заметила. Точнее, это ты почти голая.

– Отвернись! – безапелляционно приказала девушка, повинувшись беспощадной женской логике и рефлексам.

– Да успокойся ты. Темно, как у негра в... – Коликов кашлянул. – Не вижу я ничего.

– Зато чувствуешь! И перестань руками лазить туда!

– Чешется! – запротестовал Коликов. Он действительно уже несколько раз одергивал себя – рука так и тянулась к промежности. Грубо сорванное боевиком белье, видимо, сильно повредило нежные ткани и кожу бедер, и теперь вся промежность Эльмы нестерпимо чесалась.

– Мне тоже чешется. Я все чувствую. А ты перебьешься и потерпишь!

– Хорошо, – сдался Коликов, – я постараюсь.

– Уж будь так добр.

На минуту голос Эльмы в голове умолк, что позволило капитану сориентироваться на местности. От шоссе он решил уйти в сторону и уже преодолел пару километров по полям. Сейчас они продирались сквозь какой-то кустарник. Вдалеке мерцали огоньки небольшой деревушки. Туда Коликов и шел в надежде раздобыть какую-нибудь одежду и привести в порядок мысли. План отличный, но он понимал, что вторая часть этого плана под угрозой. В таком положении он оказался впервые. Ни разу за всю историю работы ОВР ни он, ни какой-либо другой оператор не сталкивался с подобными проблемами. Считалось, что в одной голове не может существовать сразу два сознания. Во всяком случае, раньше при перехвате управления телом объекта блокировалось и его сознание.

– Из какого, говоришь, ты года? – вновь ожила Эльма.

– Я не говорю. Из пятидесятого.

Голос присвистнул. Странное ощущение – воображаемый свист получился таким реальным, что Коликов даже присел.

– Тише ты!

– Меня слышишь только ты, идиот! Сам же говорил. Я не могу шевелить своими губами. Тимур проглотил оскорбление, встал и вновь двинулся к деревне.

– Почему именно я? – уже спокойнее спросила девушка.

– Я не знаю. Так устроена машина перемещения, мы называем ее капсулой. Компьютер высчитывает вероятности и триггерные точки прошлого, а затем дает на выбор несколько вариантов. Мы внедряемся, проводим операцию и вновь удаляемся в свое время.

– Отлично. Тогда вон из моей головы! – безапелляционно заявила девушка.

– Задание еще не выполнено, – отрезал капитан.

– Ну, так выполняй и убирайся к этому своему ... Как там его? Компьютеру. Что это вообще за человек?

Коликов только сейчас сообразил, что в шестьдесят втором предки компьютеров занимали полкомнаты и назывались электронно-вычислительными машинами – ЭВМ. Большая часть населения земли понятия не имела об их существовании.

– Компьютер – это не человек. Машина такая. Она умеет перерабатывать огромные пласты информации. В будущем все связано с этими компьютерами.

– Очень познавательно, – саркастично заметила девушка. – Что нужно сделать, для того чтобы ты убрался из моей головы?

– Понять, кто ты, почему компьютер выбрал именно тебя и что за триггерная точка располагается в этом временном кластере.

– И как ты собираешься все это узнать?

– Что значит как? Ты мне сейчас все спокойно расскажешь, мы вместе подумаем и решим, что делать.

– Ага. Держи карман шире. Так я тебе все и рассказала.

– Стой. А чего ты, собственно, боишься? – удивился Коликов. – Ты думаешь, мне тут медом намазано? Или находиться в теле вздорной бабенки – предел моих мечтаний? Я, между прочим, женат! У меня дети есть, и сегодня вечером мы собирались в театр.

Про детей Тимур, конечно, соврал, но так нужно было для дела.

– Это я-то вздорная бабенка? Ты уже сутки в моем теле! – возразила девушка. – Разглядываешь меня, трогаешь в неприличных местах. А я должна все принимать, как должное? Театр свой ты, кстати, пропустил уже. Интересно, что подумает твоя жена?

Девушка мстительно изобразила несколько томных стонов, заставив Коликова покраснеть и даже слегка возбудиться. Внизу живота появилось странное неопишное чувство, которого он раньше никогда не испытывал. Почему-то дико захотелось зажать между ног кулак и заглушить это вяжущее, сковывающее мыслительный процесс ощущение.

– Прекрати! Это не поможет нам решить проблему.

– Да нет никакой проблемы, милый! Давай скажем друг другу прости-поощай и разойдемся, как в море корабли.

– Не могу. Я на задании.

– Вот заладил! На задании он. Я, может, тоже на задании!

– Вот и расскажи мне о себе. Чем подробнее, тем лучше. Чем быстрее решим нашу деликатную проблему, тем быстрее пойдем, в чем дело. И я уйду. Обещаю.

Девушка задумалась, взвешивая все «за» и «против».

– Ну, хорошо. Что именно ты хочешь знать? Может, что-то я и смогу рассказать.

– Я уже понял, что ты хорошо подготовленная шпионка. Мне нужно знать, на кого ты работаешь, что за шифровку ты получила и есть ли у тебя к ней ключ.

– Ясно. А тебе только это нужно знать? Или, может, когда у меня месячные пойдут или с кем я вчера...

– Вчера ты ни с кем, – перебил девушку Коликов. – Во всяком случае, проснулась ты одна. И не ерничай, Эльма, я серьезно. Ты шпионка и понимаешь, что я не отступлюсь. Я тоже разведчик. Работа у меня такая. И сейчас у тебя только один выход – сотрудничать.

– А то что?

Тимур остановился посреди поля. Прислушался. Кажется, никого. Он спокойно лег прямо на землю – участок, по всей видимости, в этом году не засеивался.

– Эй, ты чего творишь?

– А ничего. Сейчас доведу себя-тебя до оргазма – давно было интересно, как это у вас, у женщин, происходит, а после разобью себе-тебе голову вот об этот камень. Затем вернусь в свою капсулу, и единственной моей проблемой будет лишь то, как поступить с полученными от твоего прекрасного тела сведениями. А твой хладный труп найдут на рассвете местные фермеры или те, кто за тобой охотится. Кстати, мы уничтожили только две группы. Есть еще и тре-

тя. Возможно, моосад, поскольку штази и американцев мы уже видели в действии. И, между прочим, вместо того чтобы орать на меня, могла бы и поблагодарить.

– Тебя? Извращенца русского? За что?

– Ты даже не представляешь, что с тобой сделали бы те американцы, не вмешайся я.

– О да, спасибо! Я очень рада, что их место занял ты – русский шпион.

– Я не шпион. Я разведчик. Это разные профессии. Мне не нравится твой сарказм, но и так сойдет. Не за что. Так что ты решила?

– А у меня выбор есть?

– Ну, я уже дал тебе понять, что нет. – Коликов демонстративно потянул руку по обнаженному животу вниз. – Так что или я выхожу из игры и тебе в любом случае конец, или мы вместе пытаемся найти выход.

– Хорошо, хорошо! Я согласна. Прекрати эту пытку, – быстро приняла решение девушка. Рука Тимура замерла на лобке. – Давай только сперва найдем убежище и одежду.

– Вот это другой разговор, – сказал капитан, вставая. Он давно заподозрил Эльму в наличии какой-то серьезной психологической травмы на сексуальной почве. Было противно пользоваться этой ее слабостью, но задание нужно выполнить. На войне, как говорится, все средства хороши.

– Я, кстати, не поверила в твой блеф насчет самоудовлетворения. Я же чувствую свое тело так же, как и ты. Я даже не возбудилась.

– Думаешь, раскусила?

– И еще одна просьба.

– Слушаю.

– Не знаю, как ты, а я хочу писать.

– Черт! – выругался Коликов.

– Тебя научить?

– Сам разберусь.

– Прекрасно. Но знай, по моим понятиям после такой близости со мной ты обязан на мне жениться.

– Я уже женат.

– А мне плевать. Ты женат в другом веке.

Коликов не стал отвечать и сосредоточился на важном процессе.

– Ой, да расслабься ты, я пошутила. А то так ты будешь до утра возиться.

– Эльма.

– Что?

– Заткнись, пожалуйста! Ты даже не представляешь, как трудно писать без члена!

– Эх, жаль ты в разгар месячных не явился. Уже сбежал бы, только пятки бы сверкали.

До деревни было не меньше километра. Коликов шел молча.

– Я шпионка лишь наполовину, – внезапно сказала Эльма.

– Это как?

– Я ни на кого не работаю. Я сама по себе.

– Я же просил только правду! – возмутился Тимур.

– А это и есть правда. На самом деле Эльма Хейнкель – не мое настоящее имя. Своего реального имени я не помню. Возможно, Сара... во всяком случае, иногда всплывают обрывки воспоминаний, где мать меня так называет. Я родилась в тридцать четвертом, в простой еврейской семье.

– Ты еврейка? – удивился Коликов.

– Ну, уж извини, я не мальчик, доказать не смогу. Хотел мою историю – так слушай.

– Извини. Продолжай.

– Когда мне было четыре, арестовали отца, как раз после ночи еврейских погромов. Мы с матерью остались в Берлине одни, без имущества, без денег. Перебивались, чем бог пошлет. Жили у родни и знакомых. Тогда мать уже догадывалась, к чему все идет. Благодаря связям отца ей удалось выйти на одного немецкого офицера. Я тут точно не скажу, но немец этот был не фанатик. Он был очень умен и дальновиден. Помню, лицо у него было таким строгим, что я робела при нем. Еще этот шрам на левой щеке... Служил он во флоте, а завершал свою карьеру, будучи офицером Абвера. Я не знаю, почему он решил помочь маме. Может, у них завязался роман, может, просто совесть его сжигала, а может, и я склоняюсь к этому варианту, он просто завербовал мою маму. Не криви мой носик, капитан – каждый выживал, как мог. Я не вправе осуждать мать. После смерти отца она оказалась с малолетним ребенком на руках в окружении стаи волков, готовых разорвать и ее, и меня в клочья только за то, что мы евреи. Мы тогда уже носили звезды на одежде. Летом тридцать девятого в одну из ночей этот офицер внезапно пришел к нам и велел собирать вещи. Я помню, как страшно было. По городу постоянно носились грузовики, полные еврейских семей. Людей просто выселяли из их домов, сажали в машины и увозили куда-то.

– В концентрационные лагеря... – сухо подтвердил Коликов.

– Да. Но тогда мы этого еще не знали. Этот человек спас нас. Меня и маму. Рискуя своими погонами, карьерой в Абвере, да и, вероятно, самой жизнью, – спас. Он вывез нас в Швейцарию по поддельным документам. Как я поняла, маму он представил как свою протеже – завербованную им разведчицу, которую нужно было переправить в Европу через нейтральную Швейцарию.

– Да, я слышал подобные истории. Многие офицеры Абвера так делали. Многих спасли.

– Капля в море, – горько констатировала Эльма. Через минуту она продолжила. – После той ночи мы больше никогда не видели этого офицера. Мать про него никогда не рассказывала, я даже имени его не знаю. Затем началась война. Каким-то чудом матери удалось бежать из Европы. Думаю, они держали связь и он вел ее, используя свою европейскую резидентуру. Каждый ее шаг был продуман им. Нас регулярно снабжали деньгами, поддельными документами и информацией. Так в сорок первом мы оказались в Штатах – переплыли Атлантику на корабле. Вскоре связь с этим человеком оборвалась. Мне тогда было семь лет. Последние мои документы, которые использовала мама, были уже на имя Эльмы Хейнкель. Мама вскоре умерла от гриппа, и я оказалась в детском доме-интернате. То были самые страшные годы моей жизни. Война закончилась. Я немного повзрослела и начала принимать жизнь такой, какая она есть. Суровой, жестокой, несправедливой и...

Девушка запнулась, но, совладав с собой, все же продолжила:

– Там надо мной издевались. Сначала мальчишки. А когда я стала старше, еще и некоторые учителя.

– Если хочешь, это можешь опустить, – уточнил Коликов.

– Нет, все нормально. Это жизнь. Я носила немецкую фамилию. Прибыла из нацистской Германии. Они считали, что имеют полное право мстить мне за грехи моего народа.

– Я даже не знаю, как это воспринимать.

– Меня насиловали. Довольно часто. Как подростки, так и взрослые, – продолжала Эльма. – Меня, еврейскую девочку, которая была виновна лишь в том, что бежала из своей страны под немецким именем. Я была на грани. Несколько раз пыталась убить себя, но потом внезапно все прекратилось. Как я поняла из допроса, который устроил мне директор интерната, кто-то прислал им письмо. Что было в том письме, я не знаю, но меня в скором времени отправили в другое место, в закрытую школу для девочек. Директор интерната пригрозил мне, что если я расскажу о том, что было, он найдет способ устранить меня. Его, кстати, нашли после этого у себя в кабинете мертвым. Говорят, отравился. Подробности я не знаю.

– Странное стечение обстоятельств. Что было дальше?

– А дальше началось мое обучение. Вначале обычное, светское.

– Что значит «вначале»?

Эльма молчала, пока Коликов пытался перелезть через какой-то забор. Похоже, это был загон для скота. До ближайшей постройки – одноэтажного деревянного сарая – было уже рукой подать. Туда Тимур и направился, соблюдая все меры предосторожности.

– Однажды я получила письмо. Мне тогда было шестнадцать. На конверте не было обратного адреса, родни у меня не осталось. Во всяком случае, те, кто мог уцелеть, не знали, что я жива и нахожусь в Америке, поэтому письму я очень удивилась. Писал мужчина, на немецком языке. Текст был странным, даже показался мне несуразным, как, впрочем, и все остальные его письма. Писал он мне очень часто и обращался ко мне «моя Пинанс».

– Пинанс? Странное имя, – заметил Коликов, устраиваясь поудобнее за каким-то сарайчиком. Нужно было убедиться, что на ферме никого нет.

– «Искупление» на английском.

– Оу... Не догадался. Что он хотел?

– Как ни странно, он не хотел ничего. Он писал загадками, часто использовал афоризмы и пословицы. Я не видела в текстах никакой логики, никакого смысла. В какой-то момент письма стали настолько привычным для меня явлением, что я перестала обращать на них внимание. Конечно, я радовалась им, но смысла в текстах не видела. Я решила, что какой-то душевно больной человек нашел для себя отдушину в этих письмах. Перепутал или вообще случайно указал адрес и таким образом изливает мне, невидимому слушателю, свою душу. Это продолжалось ровно до тех пор, пока я не получила еще одно письмо, в котором вообще была полная несурязица – какой-то набор символов и обозначений. В тот же день в библиотеке я наткнулась на небольшую брошюрку – оставил кто-то на парте. Я открыла ее чисто из праздного любопытства, и оказалось, что это была методичка по шифровальному делу, сделанная кустарным способом. К своему изумлению, в ней я наткнулась на те же символы, которыми было исписано последнее письмо.

– Шифровки? – догадался Коликов. – Незнакомец общался шифровками?

– Да. Несколько дней ушло у меня на то, чтобы разобраться с кодом и ключом. И после этого у меня началась совершенно иная жизнь. Оказалось, что все письма, которые я получала раньше, были зашифрованы. Получив доступ к их истинному содержанию, я поняла, чего добивался мой тайный поклонник.

– Чего? – если бы Коликов не чувствовал настроение Эльмы, он принял бы весь рассказ за дешевую утку, которой девушка заговаривала ему зубы. Но капитан чувствовал, что вся история – правда.

– Он учил меня. Все его письма были пособием по разведывательной деятельности. В них он подробно и методично раскрывал мне особенности работы под прикрытием. Я изучала уловки и финты, которыми пользовались самые изворотливые шпионы. Позже я поняла, что львиная доля знаний, которые передавал мне мой тайный учитель, была позаимствована из опыта разведчиков немецкого Абвера.

– Хорошо, учил он тебя. Готовил к чему-то. Но к чему именно? И кто это был?

– В последнем письме от него я получила подробную инструкцию того, как вернуться в Германию. Где взять деньги. Как получить квартиру. Как устроиться на работу в музей. В том же письме мой учитель приоткрыл завесу тайны своей личности. Я догадалась, кто он, по намекам, по фактам, которые могли знать только два человека – моя мать и тот самый немецкий офицер из Абвера. Несколько лет он готовил меня к внедрению в Берлин.

– Почему именно в восточный Берлин? Из США куда проще было вернуть тебя в западную часть Германии.

– Этого я тогда не знала. Возможно, на тот момент он подался в КГБ. Возможно, тесно сотрудничал со штази или у него были какие-то иные, сугубо личные причины внедрять меня именно в соцлагерь.

Коликов попросил на время остановить рассказ. Он уже убедился, что если в основном доме фермы кто и жил, то сарай (или конюшня – в темноте было не разобрать) сейчас точно пустует. Там можно было укрыться, пересидеть ночь, а, быть может, и разжиться вещами. Двери в конюшню (все-таки это была коневодческая ферма) запирались снаружи и только на засов. Проникнуть туда не составило никакого труда. В нос ударил терпкий запах конского навоза, сена и опилок. Несколько жеребцов, со сна не признавших в гостях нарушителей, ограничились лишь сонным фырканьем. Коликов разжег масляную лампу и огляделся. Конюшня как конюшня. Ухоженная, чистая. Помимо стойл, там имелись и подсобные помещения: небольшая кузница, где, вероятно, подковывали лошадей, хозяйственный блок и (наконец беглецам улыбнулась удача!) раздевалка для жокеев. Там Тимур не без помощи своей протезе смог подобрать подходящего размера трико и курточку. Переодевался он максимально деликатно. Остатки изодранного платья снял быстро и на себя – такого пышногрудого и соблазнительного – старался не смотреть, чем заслужил скромное «grand merci» от Эльмы.

– Что дальше? – поинтересовалась Эльма, когда Коликов закончил приводить в относительный порядок ее внешность. Капитану удалось даже умыться чистой водой из ведра (видимо, конюхи приготовили его с вечера) и смыть запекшуюся на голове кровь.

– Дождемся утра, а там сориентируемся. А пока можешь продолжать.

– Да, по сути, и продолжать-то нечего, – ответила Эльма.

– Ты поняла, зачем этот немец готовил тебя к шпионской деятельности? Кто-нибудь вербовал тебя?

– Никто не вербовал. И да, я узнала о том, к чему меня готовил этот офицер Абвера. Правда, узнала я об этом много позже.

– Вы и сейчас общаетесь?

– Мы не общаемся. Он пишет мне, что делать, и я делаю. Зашифрованные послания я получаю прямо на работу. Как правило, они приходят вместе с документами, которые мне вручает герр Диммар.

– Он тоже завербован?

– Не думаю. Он тупой, как пробка, к тому же нацист и антисемит. Сам он в списки не заглядывает, а если бы и заглянул, ничего не понял бы.

– Что было в последней шифровке?

Тут девушка замолчала.

– Эльма? Ты тут?

– Ты ничего не слышал?

Тимур напряг слух, и только сейчас до него дошло. В конюшне стало слишком тихо. Мгновенно сориентировавшись, он погасил лампу и затаился. Тишина резала слух. Глаза никак не хотели привыкать к темноте.

– Тут кто-то есть, – прошептала Эльма, хотя, кроме Коликова, ее никто не мог услышать. Ответить он ей не мог, поскольку общался с ней вербально. Мысли друг друга читать они не могли. То, что Коликов мог слышать Эльму, уже было сродни чуду.

Из конюшни было два выхода. Аккуратно подкрадываясь к двери, ведущей из раздевалки в тамбур, капитан старался сообразить, к какому из них добраться будет быстрее. Кажется, большие ворота ближе. Туда и побежим. А что, если их окружили? А что, если подкрались незаметно и все выходы находятся под прицелом? Коликов дивился своему непрофессионализму. Или это на него так женские гормоны повлияли? Ладно, сидеть сложа руки было самым плохим вариантом. Нужно было проводить разведку. Еще с минуту Тимур прислушивался к

тишине, но никакой полезной информации из этой тишины не выудил. «Эх, была не была!» – подумал он и начал высовываться из раздевалки.

– Стой! – раздался пронзительный крик Эльмы в голове, но было поздно. В то же мгновение снопы искр брызнули из глаз девушки. Коликов почувствовал, как заваливается лицом вперед, и хотел было выставить перед собой руки, но хрупкое тело его уже не слушалось. Страшный удар по голове, похоже, вышиб из бедной девушки весь дух. Последним, что услышал капитан перед провалом в полное забытие, был тихий шепот Эльмы:

– Тимур, не отдавай им меня!

Глава 5

– Как долго он в капсуле? – спросил генерал.

– Почти сутки, – ответил полковник Зорин, понимая, что это предел для внедрения. Стандартная рабочая смена оператора длилась шесть часов. За это время оператор успевал понять, в чем особенность заданной триггерной точки, и мог повлиять на ход истории. Если за это время ничего сделать не удавалось, оператор принимал решение покинуть тело. Оставлять объект внедрения в живых или нет, оставалось на его усмотрение – действовать полагалось по обстоятельствам. Даже через шесть часов работы в капсуле операторы выползали оттуда без сил. Иногда их выносили на руках, как космонавтов после многомесячного пребывания на орбите, а в ряде случаев требовалась экстренная медицинская помощь. Что будет с капитаном Коликовым после суточного пребывания в капсуле, Зорин даже представить себе не мог.

– Как думаешь, полковник, что его там так задержало?

Зорин покачал головой.

– Жизнь – сложная штука, – ответил он. – Могло произойти все что угодно. Бывает так, что оператор внедряется в тело объекта, но по каким-то причинам повлиять на ход истории не может. Или объект медленно погибает, запертый в отсеке тонущей подводной лодки, связанный на допросе или накачанный наркотиками. Оператор в такие моменты может лишь выйти из тела и вернуться в капсулу. Коликов же работает. Активно работает. Мы видим это по энцефалограмме.

– Угроза его жизни есть? – озабоченно поглядел на полковника генерал.

– Да, товарищ генерал-майор. Угроза есть, причем реальная. Он работает на пределе.

– Что предписывает на такой случай регламент?

– Ничего. Таких случаев еще не было. Подозреваю, что капсула сама отключит оператора, если тот помрет внутри. Но не раньше.

– Самим вытащить оператора не получится?

– Только с нарушением всех когнитивных функций. Жизнь мы ему спасем, но получим вместо дееспособного капитана овощ.

– Что предлагаешь?

– Ждать.

– Сколько?

– До полного истощения. После – отключать.

– Овощ, говоришь?

– Хоть какая-то радость семье. Живой – не мертвый.

– Овощ – не муж, не отец! – возразил генерал. – Себе самому ты какую судьбу пожелал бы?

– Сам бы я погиб при исполнении. Пышные похороны, торжественные речи и, быть может, салют над могилой. Все лучше, чем под себя весь остаток жизни ходить.

– Тогда дадим парню шанс.

– Есть!

Зорин вышел из кабинета генерала в подавленном состоянии. При всех его разногласиях с Коликовым этот парень ему нравился. Нравился своей неординарностью, своими принципами, своим бесстрашием. Было в нем то, чего сам полковник Зорин себе не позволял. Было то, чего хотелось бы сделать самому, но самоконтроль, чтоб его, не давал. Дисциплина, выучка – все это мешало Зорину реализовывать себя в жизни. Не только в служебном плане, но и в семейной жизни. Жалко было парня. Зорин понимал, что сутки в капсуле – это предел. Скорее всего, смерть. Ах, как же ему было жалко парня!

– Ну что, коллега, вот мы и встретились, – голос доносился откуда-то издали, медленно, но верно вытягивая Коликова из бессознательного состояния. – Нет, я прекрасно понимал, что рано или поздно это произойдет. Слишком уж тесен мир, слишком уж мало в нем триггерных точек.

Капитан попытался пошевелиться, но ему это не удалось. Что же это? Неужели он вновь потерял управление над телом Эльмы? Нет. Голова работала. Раскалывалась от боли надвое, но шевелить ею он все еще мог. Руки же и ноги почему-то подчиняться отказывались. Ах, да, его ведь наверняка связали.

Первым порывом было докричаться до Эльмы, но он не хотел давать похитителям повод думать, что девушка сошла с ума и разговаривает сама с собой. Тимур сделал над собой усилие и открыл один глаз. Света было мало. Нападавшие вновь зажгли масляную лампу, но и этого хватило, чтобы головная боль резко усилилась. К горлу подкатил комок, сильно закружилась голова, суля очередной обморок, но Коликову под нос сунули нашатырь, и дурнота отступила.

Тимур огляделся: он все еще находился в конюшне. Правда, теперь он сидел на крепко сбитом табурете не в раздевалке для жокеев, а в кузнице. Обвел глазами пространство: десятки молотков, острые ножи, массивная наковальня, множество подков, гвозди. Судя по жару, который Коликов ощущал спиной, сзади была печь. Пахло кровью, гарью и металлом. Металлом и гарью понятно, почему. Кузница. Но кровь откуда? Коликов бросил свой взгляд на дверь и заметил чьи-то ноги. В тамбуре определенно кто-то лежал. Кто-то мертвый – никак иначе объяснить огромную лужу крови, в которой лежали ноги, было нельзя. Должно быть, на шум явился хозяин конюшни и тоже попал под раздачу.

– Ну что, готов к диалогу? – вновь раздался голос откуда-то сзади. Говоривший использовал немецкий, но Коликов все же улавливал какой-то акцент. И еще что-то странное, неуловимое. Коликова напрягало то, что незнакомец оставался сзади и явно чем-то занимался возле печи.

– Пытать будете? – спросил Коликов.

– Тебя нет. Зачем ты мне?

– Не поняла?

– Ты хотел сказать «не понял»?

Тимура только сейчас пронзила догадка: «Он знает! Вот почему он говорил про триггерные точки!»

– Кто ты?

– Да это уже не имеет никакого значения. Мне нужна девчонка, не ты.

– Я не понимаю...

– Ой, да брось прикидываться! Я же говорю, вероятностей мало, триггерных точек еще меньше. Наша с тобой встреча была делом времени. Правда, я думал, мы столкнемся в борьбе за один и тот же объект – такая дуэль двух путешественников во времени. Два голоса в голове одного несчастного. Ангел и демон. Добро и зло. Было бы круто, согласишься. Но не судьба. Нас с тобой разбросало по разным телам, но в одной триггерной точке.

– Вы с ума сошли! – постарался выдавить из себя Коликов, понимая, что проигрывает эту дуэль. Но ему нужно было время на «подумать». Кто же этот человек? Он явно в курсе того, что в теле Эльмы находится разведчик. Точно знает, что этот разведчик из будущего. Но откуда он может это знать? Такая технология есть только у нас!

– Не хочешь по-хорошему... – констатировал мужчина и вышел из-за спины Коликова. В руках он держал раскаленное добела лошадиное клеймо. – Ладно. У тебя еще есть шанс уйти. Я же говорю, мне нужна девчонка и то, что она знает. Она же не успела тебе сказать?

– Тимур, – вдруг раздался голос Эльмы в голове, – это он!

Коликов не знал, как спросить, кого именно имела в виду Эльма, и только сейчас обратил внимание на лицо мужчины. Перед ним стоял уже немолодой, но довольно крепкий мужчина

в строгом костюме. Короткая стрижка, острые черты лица, длинная шея, массивный кадык. Лицо от левого глаза до угла рта украшала тонкая полоска шрама. Светлые, почти небесного цвета глаза глядели на пленницу с прищуром.

– Кто ты? – спросил Коликов, хотя узнал в мужчине того самого фотографа на мосту.

Эльма поняла намек и быстро выпалила:

– Это тот агент Абвера, что помог мне и матери бежать из страны. Это он научил меня всему, что я знаю.

«Нет, дорогая, – подумал Коликов, – сейчас это не он».

– Ну, неужели ты не догадался? – усмехнулся немец. – Ладно. Возможно, я не рассчитал силу и слишком крепко приложил тебя по голове. Привычку не поборешь. Я же думал, что дерусь с русским разведчиком. Забыл, что ты в теле хрупкой девчонки.

– Хочешь сказать, – сдался Коликов, – ты тоже из будущего?

Незнакомец засмеялся, всем своим видом излучая радость:

– Ну, наконец-то! Да, я из того же времени, что и ты. Забавно. Удивительная уверенность в собственном превосходстве поселилась в вас, русских, после победы в Третьей мировой, – воскликнул немец. Хотя сейчас он мог быть кем угодно: американцем, евреем, швейцарцем, иранцем... Вообще кем угодно. Незнакомец, кем бы он ни был, тут же подтвердил догадку Коликова. – Ну кто, скажите мне, кто вам дал повод думать, что технологии, которые используете вы, не попадут в руки других разведок? Или вы считали, другие страны не заметят, что слишком уж у русских все складно получается, чем бы они ни занимались? На Марс? Легко. Лунные базы? Да пожалуйста! Выиграть в войне? Устоять экономически? Развалить первую экономику на планете? Все к вашим ногам. Не бывает так. Все, я подчеркиваю, все понимали, что у вас в рукаве есть какой-то козырь, позволяющий вам быть всегда на шаг впереди. Впереди планеты всей! Последние пятнадцать лет мы только и делали, что искали этот козырь. А кто ищет, тот всегда найдет. Теперь технология перемещения разума в прошлое есть и у нас.

– У нас – это у кого?

– Ну, уж это тебе как раз и не нужно знать.

– Почему ты открылся мне?

– Все просто. Это паритет. Раньше был ядерный паритет, и во многом он сработал: Третья мировая так и не переросла в ядерный апокалипсис. Но вы, русские, как всегда всех удивили. Как чудесно, оказалось, рыться в прошлом и находить компромат, которым можно давить на страны и правительства в будущем. Какая прелесть, к примеру, раздобыть секретные данные о новейших ракетных двигателях третьего Рейха, а затем использовать эти сведения на благо Родины. Пусть не напрямую, пусть опосредованно, но все же получить небольшое преимущество в прошлом, чтобы укрепить позиции в далеком будущем. Гениально! Ты сейчас все это слушаешь лишь для того, чтобы передать своему правительству – теперь такие технологии есть не только у вас. С вами теперь будут говорить с позиции силы. Вам придется вступить в новые конвенции по разоружению. Будут созданы надгосударственные структуры и органы, следящие за выходом человека в открытое инфополе Земли. Я не знаю, как именно будет реализован контроль, будут ли выдаваться квоты на вмешательство или на каждой базе будет сидеть по наблюдателю. Может, вообще придумают какой-нибудь патруль времени и начнут отлавливать таких прыгунов, как ты и я. Важно одно – сейчас я попрошу тебя убраться из головы этой милой фройляйн и передать своему правительству, что ваша гегемония подошла к концу.

– А что, если я пошлю тебя к черту?

Мужчина со шрамом поднял перед глазами уже подстывшее, но явно все еще раскаленное клеймо.

– Честно? Я не думаю, что имеет смысл сопротивляться. Ты не выдержишь тех попыток, которые я планирую применить. Зачем тратить свое и мое время? Тем более, я так понимаю,

ты тут уже задержался? Могу поспорить, даже без моих попыток возвращение на Родину займет у тебя не одну неделю. Так что давай, выметайся из тела девушки. Не тяни резину.

– Не оставляй меня, – прошептала Эльма.

– Чего ты хочешь от нее?

Эльма быстро сообразила, что вопрос задан скорее ей, нежели немцу, и быстро выпалила:

– Ему нужны координаты. Те самые координаты, которые этот немец переслал мне вчера.

Я не знаю, что именно там спрятано, но догадываюсь – что-то очень и очень ценное. Настолько ценное, что может изменить ход истории.

– Я предупреждаю последний раз. Убирайся, или я начну выжигать тебя из ее тела.

В подтверждение своих слов немец поднес к лицу Эльмы раскаленное клеймо. Коликов ощутил жар возле своего глаза и понял, что противник не шутит. Терять уже было нечего, а информации по-прежнему не хватало.

– Зачем ему нужно было передавать эти координаты тебе? – Коликов уже не пытался скрыть того, что общается напрямую с Эльмой. И сильно поплатился за это. Немец ударил его по лицу наотмашь с такой силой, что капитан рухнул на пол. Пока немец возился с телом девушки, поднимая и водружая его на место, Эльма быстро ответила в голове Коликова:

– Я не знаю! – прокричала она, задыхаясь. – Пинанс! Он называл меня «моя Пинанс!»!

«Пинанс. Искушение, – лихорадочно думал капитан, получая по лицу удары разъяренного немца. – Неужели этот немец планировал через Эльму вернуть миру награбленное его режимом? Стоп! Золото! Он ищет утраченное золото Рейха!»

– У (удар) – би (еще удар) – рай (удар) – ся!

Немец истово колотил бедную девушку. Коликова эта попытка не сильно волновала, но за Эльму было обидно. Она кричала в его голове, умоляя его сделать хоть что-то. Действовать она не могла, но, как и сам Тимур, все чувствовала.

– Русский? Ты еще тут? – ревел немец, подбирая с пола горячее клеймо. – Давай-ка попробуем иначе.

С этими словами он поднес клеймо к окровавленной щеке девушки и с силой надавил. Послышалось шипение, запахло паленым мясом, и только после этого сознание Коликова пронзила острая боль. Крик Эльмы в его голове превратился в истерику. И самым ужасным для капитана было то, что он действительно мог в любой момент покинуть тело девушки и вернуться в капсулу. Тем более что время его уже давно истекло – никто никогда не находился в капсуле больше двенадцати часов кряду. Но бросить Эльму он не мог. Что-то подсказывало ему, что это будет самым неверным решением. Этот упырь получит координаты, а стало быть, и государство, на которое он работает, получит преимущество в финансах. Кто знает, сколько там награбленного спрятано? И кто знает, насколько решающим будет это финансовое преимущество?

Коликов выдавил из себя смех. Щека горела огнем, а он смеялся голосом Эльмы, захлебываясь ее слезами. Все-таки женский организм не должен терпеть такие муки. Смех этот вызвал у его мучителя оторопь. Немец выбросил свое орудие пыток и со всего размаху ударил Коликова по обожженной щеке – тот вновь рухнул на пол.

– Чего тебя так развеселило, русский?

Тимур сделал усилие и перевернулся на спину, туда, где лежал шомпол с клеймом. Святыми за спиной руками он нащупал раскаленную железяку. Пальцы обожгло, но парень даже глазом не моргнул, начав перетирать об острые края раскаленного клейма свои путы. Попутно он старался отвлечь изверга разговором:

– Получается, ваш компьютер просчитал нужную триггерную точку, но перестарался с выбором объекта? Ты перехватил управление бывшим сотрудником Абвера до того, как понял, какой информацией обладает его мозг? Дай угадаю: пришлось следить за штази и тупыми ЦРУ-шниками, для того чтобы понять, кому старый немец переслал вожделенные координаты?

– Чувствуется большой опыт работы, русский. Хвалю, ты все правильно понял. Ну, или почти все. Гордый немец не смог вынести преступлений нацистского режима и всю свою жизнь посвятил борьбе с ним. А когда узнал, где спрятано золото третьего Рейха, то совсем с катушек съехал. Информация, сам знаешь, не для широкого круга. Немец подстроил свою смерть, а потом одного за другим передошил всех нацистов, кто имел хоть какие-то сведения о местонахождении этого тайника. Кстати, сами нацисты успешно устраняли тех, кто все это добро грузил на корабли и выгружал в портах. Ты даже не представляешь, сколько крови на этом золоте!

«Значит, все-таки золото!» – подумал Коликов, перетирая острым краем раскаленного клейма веревку на руках.

– Так, получается, ты проиграл. Кто бы ты ни был.

Выражение лица немца изменилось.

– Что ты имеешь в виду?

– У меня были координаты, но я не знал, от чего они. А ты знал, но координат у тебя нет.

Немец выхватил из кобуры, спрятанной под пиджаком, пистолет и навел его на Эльму. Другой рукой он вынул из внутреннего кармана небольшую записную книжку и бросил ее перед пленницей:

– Ты все напишешь!

– Что именно? Пожелание перед тем, как уйду? Ну так я и устно скажу – иди на...

Немец прищурился и тихо произнес:

– Будь у тебя координаты, ты бы уже ушел. Но ты терпишь все эти муки. Ты не уходишь. Значит, одно из двух: либо у тебя нет никаких координат и выгнать тебя из тела для меня лишь дело изощренности и продолжительности пытки, либо координаты у тебя есть, но ты по какой-то причине не хочешь оставлять эту шлюху.

– За шлюху ответишь, – злобно сказал Коликов и резко махнул освобожденной рукой, вооруженной горячим клеймом.

Ему почти повезло. Кончик клейма достал до руки с пистолетом и вонзился в кисть немцу. Прогремел выстрел, но Тимур его проигнорировал. У него могла быть лишь одна попытка. Он уже рвался к своему противнику. Он знал, что стареющий разведчик Абвера, скорее всего, умирает от какой-то неизлечимой болезни. Именно поэтому он так тщательно готовил молодую и сильную Эльму к делу всей своей жизни – искуплению. «Моя Пинанс!» – так называл он ее. Она была идеальным кандидатом в свидетели его искупления перед небесами. Его руки были по локоть в крови. Иначе не могло быть. Иначе не должно было быть. Иначе он бы погиб одним из первых. Но он был солдатом, а не палачом, и когда понял это, было уже поздно. У власти уже были подонки и изверги, и, чтобы выиграть у них битву, нужно было играть по их правилам. И он играл. Марал руки. Вербовал агентов. Учился сам и учил разведчиков. А потом ему повезло. Повезло узнать тайну, за которую можно было с легкостью угодить на виселицу. Сам он не мог реализовать свой план. Сам не успел бы. А научить маленькую еврейскую девочку, подготовить для нее почву ему вполне было по силам. Он играл в долгую.

Пуля угодила в шею. Прежде чем вцепиться в горло противнику, Коликов почувствовал обжигающее касание смерти, но не придал этому значения. Убил он немца быстро, одним движением. Не ожидал немец такой прыти от изуродованной пытками девчонки. Его тело грузно осело на пол и замерло в неуклюжей позе.

У Коликова закружилась голова, и он тоже рухнул. Только сейчас он понял – пуля задела какую-то важную артерию на шее девушки. Как же все хреново вышло! Он из последних сил сдвинул рану рукой. Надолго этой меры не хватит. Без срочной медицинской помощи он, точнее Эльма, через пару минут истечет кровью и погибнет.

– Прости меня, – прохрипел он, чувствуя, как тяжелеют веки девушки.

– За что? – тихо спросила она, уже понимая, что умирает.

– Я подвел тебя.

- Ты не виноват. Без тебя я бы не зашла так далеко. Так себе из меня разведчица...
- Лучшая из всех, кого я знал.
- Спасибо. Мы должны попрощаться?
- Наверное... – Коликов не знал, как должны заканчиваться такие истории. – Прощай.

Хотя... нет. Один вопрос.

- Да?
- Что ты планировала делать с таким количеством золота?

– Я не знала, что там золото, – спокойно, словно они сейчас пили чай на кухне, ответила девушка. – Зато теперь я понимаю, зачем мой куратор велел создать десяток расчетных счетов в разных странах мира.

– Каких счетов?

– Счета привязывались к различным организациям. В основном это были дома-интернаты, хосписы, больницы, дома малютки. Я была рада открывать такие счета, но понятия не имела, каким образом он планировал их пополнять. Кружится голова. У тебя тоже?

– Да. Ты умираешь, Эльма.

– Останься со мной. Подожди, пока я не уйду.

– Это было бы хорошим искуплением, – сказал Коликов, уверенный, что Эльма поймет, о чем он. – Действительно достойным делом.

– А ты смог бы так?

– Только так бы и смог. Мертвым деньги ни к чему, тем более окропленные их собственной кровью. Но... – Коликову пришлось сделать паузу, воздуха не хватало, – они могли бы спасти столько детей.

– Спой мне, Тимур.

– Что спеть?

– Знаешь из Биттлз что-нибудь? Очень люблю Биттлз.

– Одну песню помню, – признался Коликов, – в твоё время они её ещё не написали.

Это, – Тимур сделал ещё пару тяжёлых вдохов, – их последний сингл.

И Тимур запел хриплым голосом, борясь с накатывающей сонливостью:

When I find myself in times of trouble

Mother Mary comes to me

Speaking words of wisdom, "Let it be".

And in my hour of darkness

She is standing right in front of me

Speaking words of wisdom, "Let it be".

Let it be, let it be,

Let it be, let it be.

Whisper words of wisdom, let it be...

– Возьми блокнот, – велела Эльма. – Быстро, пока в сознании!

Коликов понял, что именно она собирается сделать. Из последних сил он перевернулся на бок и нашупал блокнот немца, в котором лежал огрызок карандаша. Эльма продиктовала ему две цифры.

– Координаты? – выдохнул Коликов. В глазах уже потемнело. Пульс замедлялся, разливаясь в голове гулким эхом. Таял и голос Эльмы. Этой молодой красивой девочки. Такой хрупкой. Такой храброй. Такой...

– Я не знаю, что там. Я даже не уверена, что не ошиблась. Я все расшифровывала по памяти. Но ты единственный, кто может еще использовать эти деньги во благо. Ты запомнил цифры? Тимур, ты цифры запомнил? Тиму...

– И как понимать его слова? – генерал был в растерянности.

– Перед тем как провалиться в кому, капитан Коликов успел доложить о том, что мы теперь не одни.

– Что он сказал, дословно?

– «Мы не одни теперь там».

– Это все? Что это значит?

– Это все. И я не знаю, что он имел в виду. Даже предположить боюсь.

– Мдаа... – задумчиво протянул генерал. – Шансы-то у него есть?

– Доктора осторожны в прогнозах, но шансы есть.

– Ладно. Как очнется – доложишь. Свободен.

– Есть, товарищ генерал-майор.

Озадаченный и крайне смущенный, полковник Зорин направился к себе. В кармане потной рукой он сжимал листок бумаги. Когда Коликова вынесли на руках из капсулы, он был еще в сознании. Бредил. Выкрикивал имя объекта. Плакал. Затем, увидев полковника, резко остановил свой взгляд на сочувствующем стариковском лице и попросил листок бумаги. Зорин дал ему свой блокнот и ручку. Слабеющей рукой Коликов нацарапал на первом же листке в блокноте какие-то цифры, а потом провалился в беспомощность. Затем капитана ввели в искусственную кому. По словам медиков, его разум был на грани – нужно было «выключать» капитана, восстанавливать и только потом вновь приводить в чувство.

Зайдя к себе в кабинет, полковник Зорин вырвал из своего блокнота исписанный цифрами листок и запер его в сейф. Испытывал он в этот момент два чувства: радость за то, что Коликов все же вернулся, и злость. Нутром полковник чувствовал, что капитан затеял какую-то очередную авантюру.

Глава 6

– Отпуск – это, конечно, святое, – удивлялся Серега. – Но почему именно Геленджик? Да еще и на машине? В такую даль на старой Ладе – ты серьезно?

Коликов загадочно улыбался, откладывая в сторону болгарку.

– Не знаю, Серег, просто захотелось. Да и куда мне еще? Я ж невыездной.

– А, ну да, ну да, – наигранно протянул слесарь, вытирая нос измазанной в солидоле рукой, – мы-то «академиев» не кончали, куда нам понять высокие устремления военной интеллигенции.

Коликов засмеялся.

– Да ладно тебе прибежаться. Возиться в старой рухляди – это, между прочим, твой собственный выбор. У тебя была приличная специальность, да и работа, кстати, тоже.

– И что мне с той работы? Надоело мне все, веришь? – сухо отозвался Серега.

И, похоже, действительно посерьезнел. С минуту он затягивал новенькие болты на защите картера старенькой Гранты. На таких древних машинах, бывает, и масло без геммороя не поменять. Старые, прикипевшие от времени и ржавчины болты пришлось срезать болгаркой.

Коликов знал, что ступил на скользкую тропинку, но друга он чувствовал хорошо и понимал, что тому иногда нужно выговориться. Бывает так, что некому и рассказать о том, что на душе творится. А уж когда в одночасье опрокидываешь всю свою жизнь, бросаешь престижную работу в столице, меняешь прекрасные карьерные перспективы на старенький, замасленный всеми сортами машинного масла гараж – тут точно слушатель нужен. И не просто слушатель, а именно тот, кто понимает твой выбор. Тот, кто не осуждает такой поворот сюжета, а одобряет его, ну или хотя бы относится к нему нейтрально. Таким слушателем в жизни гинеколога Сергея Сапелкина был Тимур Коликов – друг детства и по совместительству армейский сослуживец.

– Куда ты, кстати, пропал? – решил-таки уйти от темы «важность выбора в судьбе человека» бывший гинеколог. – Думал, на дачу ко мне на майские заскочишь. Баньку бы растопили, пивка холодненького тяпнули.

Тимур пожал плечами:

– Да работы было невпроворот.

Сапелкин затянул последний болт и хитро подмигнул старому другу:

– Красивая хоть работа была?

Коликов, как мог, изобразил удивление.

– Да ладно тебе, мне-то не чеши... – бывший гинеколог вытер руки о грязную ветошь и, весело улыбаясь, начал опускать подъемник. – Я Светке звонил пару раз, когда ты трубку не брал. Сперва сказала, ты в командировке, а после, что в санатории. Мол, начальство настояло на психологической реабилитации.

– Я понятия не имею, о чем ты, – ответил Коликов, открывая капот олдсмобилia и с головой ныряя за маслофильтром.

Серега достал из пакета пятилитровую канистру масла, оценивающе взглянул на марку и продолжил так, словно и не слышал оправданий друга:

– Вот хоть убей, не понимаю, какие у рядового программиста генштаба могут быть командировки.

– Да вызвали наладить работу пары серверов в Европе...

– И главное, – не замечая потуг друга, продолжил размышлять Серега издевательским тоном, – уезжает на пару дней, а восстанавливается месяц. Да, не на того я учился... Ты хоть

бы перспективы обрисовал, когда поступал в академию, я может, свои пись... ЭМММ, гениталии тогда на твои железки променял бы.

– Да красивая, красивая! – сдался Коликов, смущенно улыбаясь. – Только у меня с ней ничего не было, работал я.

– Ну, ясное дело, дружище, ничего не было, – подмигнул холостяк Сапелкин другу и протянул за Тимура его коронную фразу. – Ты ведь женат!

Друзья засмеялись и продолжили ковыряться под капотом уже вдвоем.

– Закрутил?

– Да.

– Тогда я лью.

– Лей.

– Ты где вообще бензин берешь для этой колымаги? Дорого же.

– Да на работе, прапор один подгоняет. «У них там этого гуталину...»

– А, ясно, – понимающе кивнул Сапелкин, заливая в горловину масло. – К днюхе моей ты вернешься, надеюсь?

– Не обещаю, дружище, но постараюсь. Как пойдет.

– Что пойдет? Отпуск?

– Эмм... Ну да, – опять смутился Коликов.

Друг вновь хитро посмотрел на Тимура и процедил:

– Вот ей богу, не знал бы тебя, оболтуса, со школы, решил бы, что ты секретный агент.

– Да какой из меня агент? – усаживаясь за баранку, отмахнулся Коликов. – Так, агентик.

И тот сетевой.

– Темнишь ты, дружище, что-то. Ох, и темнишь! И в отпуск без семьи едешь, и не трубой, не самолетом, а на этом ведре ржавом.

– А я экзотику люблю. Ретроград я, понятно? Для меня машину с колесами вести – все равно что отдых. Тоже, знаешь, романтика.

– Ну да, хороша романтика. Дорога, полная фур-дронов, хрен где заправишься, убитые кафешки у обочины, убогие деревни, страшные бабы...

– А хочешь со мной? – внезапно спросил Коликов друга. От неожиданности Сапелкин ударился головой о капот.

– Ты чего? На этом? – он указал на лобовое стекло Лады. – Вдвоем?

– А что такого? Все лишь в тебя упирается. В твою космическую занятость.

– Ты про гараж, что ли? – не понял Сапелкин. – Так ведь тут у меня как раз все сходится. Лето же, люди в отпусках – традиционно голяк с клиентами.

– Ну, и чего ты тогда мнешься? – развел руками Тимур. – Погнали! Просторы родные тебе покажу! Может, баб каких страшеньких встретим...

Сапелкину очень хотелось поехать, Коликов видел это. Но друга что-то останавливало, мешало ему что-то. И тут до Тимура дошло.

– Серый?

Сапелкин уставился на друга и, увидев на его лице издевательскую ухмылку, быстро отвел глаза.

– Готово. Заводи мотор! – сменил тему слесарь-гинеколог.

– Сапелкин, ты что, бабу завел?

– Заводят мандавошек... – угрюмо пробубнил Сапелкин, закручивая крышку горловины, куда только что залил дефицитное масло. – А я девушку встретил!

– Вот те на! – веселился Коликов. – Так ты теперь каблук?

Сапелкин с силой хлопнул капотом. Звук резко полоснул обоих друзей по ушам.

– Тимур, давай, без меня, а? Я очень хочу поехать, правда. Но сейчас, вот именно сейчас ну никак не могу.

– У вас там серьезно, что ли? – веселился Коликов. – Ты ж завязал вроде как!

– Типун тебе на язык! Кто ж с таким завязывает?

– Не, ну ты мне как рассказал про «выгорание» на работе, так я и подумал...

– Тьфу ты, дебил! – выругался Сапелкин. – Что ты подумал? Что я пись... гениталии женские разлюбил? «Синдром эмоционального выгорания» – реально существующее состояние организма. Оно даже в МКБ есть! И оно никак, слышишь меня, никак не связано ни с потенцией, ни с эрекцией, ни с чем бы то ни было, на что ты там все время намекаешь!

– А я-то тогда подумал, – издевательски томным голосом произнес Тимур, – что накрылась карьера гинеколога Сапелкина...

– Твою мать! Коликов!

– ...медным тазом! А ты чего подумал?

– Ничего! Заводи давай!

Коликов, улыбаясь, сел за руль, вставил в замок зажигания потертый ключ и повернул его. Коротко прокаркал стартер, и двигатель заурчал, словно кошка. Друзья наклонились над капотом, прислушались. Первым вывод сделал Сапелкин:

– Все, нет никаких стуков. Я же говорил – кольца!

– И я говорю, кольца придется покупать. Замуж звать. А то так бобылем и помрешь!

– Да иди ты!

Мужики посмеялись. Любили они такие вот дружеские пикировки устраивать. Тимур заглушил мотор и, наполовину вывалившись из машины, сказал:

– А вообще, Серега, я рад за тебя. Ты мне про нее ничего не говори. Я уже знаю, особенная она.

– Да обычная.

– Нет, особенная. Обычных ты двадцать три года отбрываешь!

Коликов заглушил двигатель и вышел из машины.

– Ладно, постараюсь успеть на днюху. Ты ж, видимо, познакомить нас хочешь.

Сапелкин улыбнулся.

– Раскусил.

– Работа такая, кусачая. Ладно, Серег, я погнал. Нужно еще сумку собрать, с женой побыть. Завтра в семь зайду за тобой.

– Добро.

– Колодки в багажнике. И ручник подтяни, а то уже не держит.

– Не учи ученого!

– Ладно, бывай.

Тимур вышел из гаража в прекрасном расположении духа. Он действительно был рад за Сапелкина. Не везло мужику с бабами, ох, как не везло. Жена оставила его почти сразу после рождения первенца. Уехала к черту на рога с бывшим хахалем. Сапелкин не мог простить бывшей жене ее поступка. Что уж там у них стряслось, Коликов не знал, но то, что Сапелкин после этого брака больше смотреть ни на кого не мог лет пять, помнил хорошо. Жена его, кстати, уже через год замуж вышла за того самого козла, с которым сбежала. Тот-то ее и надоумил на алименты подать. Деньги Сапелкин высылал исправно. Договорились без суда. Только лет через десять Серега узнал, что Галка его спивается со своим муженьком. Оба не работали, это Сапелкин узнал чисто случайно, когда в одной из командировок решил повидать сына. Не выдержало сердце, дрогнуло – сын все-таки. Выходило, что он, работая в Москве, по сути, содержал семью алкоголиков. Пытался он через суд ребенка отсудить, да пацан заартачился и в суде выдал, что мамку не оставит, а мужика этого, Сапелкина то есть, первый раз в жизни видит. Галка тогда тоже подсуежилась, марафет навела, пить на время бросила. Судье (к слову, тоже женщине) она давила на жалость: мол, алиментов годами не видит, а бывший муж судьбой ребенка все десять лет не интересовался. Судьи в таких делах на сторону матерей встают,

а Сапелкин был человеком мягким: не стал поднимать свои связи да воевать за ребенка, которого, по сути, и не знал. Были в жизни гинеколога и другие женщины, вот только не складывалось у него с ними. То ли первый брак сильно подкосил его веру в семейные ценности, то ли психологически надорвался, да только ни с одной пассией он больше двух месяцев не встречался.

Да, думал Коликов, и не такие судьбы бывают. Серега, в конечном счете, сорвался. Пить начал. Чуть работы не лишился. И казалось бы, что там – бабы... А выходит, непруха в личной жизни из мужика может все соки выжать. Не реализовал он себя ни как супруг, ни как отец. В итоге бросил гинеколог Сапелкин все к чертям – и работу хорошую, и столицу со связями и перспективами. Купил себе небольшую автомастерскую за МКАДом и – хотите верьте, хотите нет – стал реально счастливее. Ковырялся с железками, перебирал старенькие движки. В Москве к тому времени мода на раритетные машины пошла. В общем, монетизировал любимое хобби и долгое время действительно выглядел довольным жизнью. Но таким счастливым, как сейчас, Коликов друга не видел никогда. Очень он был рад за Сапелкина. Очень хотел, чтоб наладилось у него все.

Тимур выбрался из гаражного товарищества на безлюдную улицу и вызвал флаер. До Москвы было далековато, на обычной трубе он минут сорок тащился бы, а до станции еще дойти нужно было. На жужжащем беспилотнике Коликов всего за десять минут добрался до перехватывающего аэропортика – так в народе называли посадочные площадки для таксолетов и частных флаеров. Передвигаться на таких можно было лишь за городом и по строго отведенным маршрутам. Нескоро новинка прижилась, если честно. Боялись люди беспилотных летающих такси, но со временем распробовали и привыкли. Штуки эти действительно сильно экономили время и зарекомендовали себя как максимально безопасное средство передвижения на дальние расстояния. Может, технологии достигли совершенства, а может, причина была в полной автоматизации и устранении человека как основного фактора смертности на дорогах.

Из аэропортика Коликов добирался уже на обычном такси. Уютный двор встретил приятной прохладой и криками ребятни, гоняющей мяч на маленьком поле для мини-футбола. Гулким ударам по мячу вторили мелкие частые удары мячика для пинг-понга. В последнее время молодежь распробовала этот полузабытый вид спорта, и во дворах почти в обязательном порядке начали устанавливать столы для настольного тенниса. Хотя тут об истинной причинно-следственной связи можно было поспорить – столы начали ставить из-за популярности игры или бум этой игры спровоцировала тотальная установка нехитрого инвентаря? А может, в недалеком будущем этот вид спорта будет доминировать в тотализаторе?

Коликов с минуту наблюдал, как два поджарых парня лихо посылают друг другу звонкий мячик. Так и не дождавшись перевеса в чью-либо сторону, он лениво направился к подъезду. Нельзя было сказать, что Тимур совсем не хотел домой. Дом и семейную жизнь он любил. Просто в последние месяцы (хотя нет, наверное, в последние пару лет) он стал тяготиться ими. Дома ждала Светка. Красавица-жена, которая могла бы стать предметом гордости любого мужчины. Света была умна, красива, не вульгарна. Она всегда одевалась элегантно и несколько строго. Эпизодически ее наряды выглядели вычурно, но эта вычурность всегда совпадала с тоном мероприятия, которое Света посещала. Она занимала должность то ли пресс-секретаря, то ли PR-менеджера (Коликов так и не запомнил) в какой-то фирме, а потому выглядеть достойно было частью ее работы. Вокруг Светки всегда ошивались какие-то мужики. Наглые и скромные, молодые и старые, спортивные, пузатые, бедные, богатые – разные. Но Тимур никогда не сомневался в ее порядочности. Было в Светке что-то такое, что внушало доверие. Коликов не смог бы сходу припомнить, когда в последний раз ощущал чувство ревности. И ощущал ли вообще? Он доверял жене, а она доверяла ему и тоже никогда не устраивала сцен ревности. Кстати, последний факт Коликова поначалу напрягал. Сам он относил себя к лучшей части сильного пола: прекрасное натренированное тело, высокий рост, правильные черты лица,

отсутствие чрезмерного волосяного покрова на теле. В пику низкой «лохматости» на лице у Коликова всегда была двухдневная черная щетина (за что он регулярно получал от Зорина выговоры). Слегка небрежная канадка выдавала в Тимуре одновременно и задорный характер, и легкую небрежность к своему внешнему виду. Вокруг Коликова всегда витали слухи о чрезмерной полигамности. Ну не верилось окружающим его людям в то, что обладатель настолько обаятельной улыбки, мужчина, вокруг которого всегда крутятся женщины, может быть примерным семьянином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.